

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 25

ЯНВАРЬ-МАРТ 1977

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

**ДВИЖЕНИЕ В ЗАЩИТУ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ**

**ХРОНИКА
ЗАЩИТЫ ПРАВ В СССР**

ВЫПУСК 25

ЯНВАРЬ-МАРТ 1977

ГОД ИЗДАНИЯ – ПЯТЫЙ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "ХРОНИКА"
НЬЮ ЙОРК**

Главный редактор издательства: Валерий Чалидзе

Редакционная коллегия: Эдвард Клайн

Павел Литвинов

Лондонский корреспондент: Питер Реддавей

”Хроника защиты прав в СССР” не занимает политически мотивированной позиции и не содержит редакционных оценок по поводу описываемых событий.

Издательство не принимает пожертвований от государственных и политических организаций.

Editor-in-Chief, Khronika Press: VALERY CHALIDZE

Editorial Board: EDWARD KLINE, New York

PAVEL LITVINOV, New York

London Correspondent: PETER REDDAWAY

Copyright © 1977 by: KHRONIKA PRESS

Published by: KHRONIKA PRESS, 505 8th Ave., New York, N.Y. 10018

СОДЕРЖАНИЕ

Сообщения	4
Сахаров — Картер. Обмен посланиями	5
Буковский в США	6
Об аресте Александра Гинзбурга	7
Новое давление на Сахарова	10
И. Мельчук о Суперфине	15
Заявление Владимира Борисова	17
Угроза нового преследования Григоренко	18
О попытках скомпрометировать правозащитное движение . . . 19	

* * *

<i>Хельсинкская Группа</i> . За три месяца до Белграда	20
<i>В. Чалидзе</i> . США и права человека в СССР	26
<i>Т. Венцлова</i> . О Литовской группе содействия	31
<i>В Буковский</i> . Выступление перед руководителями американских профсоюзов	35
<i>В. Буковский</i> . Показания в "Хельсинкской комиссии" конгресса США	42
Чехословакия: "Хартия 77"	49
В поддержку "Хартии 77"	55
<i>И. Ласота-Заблудовски</i> . Польская оппозиция в 1976 г.	56
<i>Дж. Гинзбургс</i> . Эмиграция корейцев из СССР	65

Personalia

Юрий Орлов	72
Микола Руденко	76

Законодательство

О некоторых правилах прописки граждан	77
---	----

Юридический комментарий

<i>В. Чалидзе</i> . О гуманитарных статьях Хельсинкского акта . . . 82	
--	--

Из прошлого

<i>О. Марков</i> . Екатерина Павловна Пешкова и ее помощь политзаключенным	101
---	-----

Библиография

"Континент", выпуски 1-10	114
Поступления самиздата	116
Новые книги издательства "Хроника"	123
Указатель имен	124

СООБЩЕНИЯ

Арестованы

В Москве:

Александр Гинзбург (см. стр. 7)

Юрий Орлов (см. стр. 72)

Анатолий Щаранский

На Украине:

Микола Руденко (см. стр. 76)

Алексей Тихий

Все арестованные – члены Хельсинкских групп. Предъявленное им обвинение доподлинно не известно.

Приговорены

В Ленинграде:

Олег Волков к семи годам и Юрий Рыбаков к шести годам лишения свободы за учинение надписей в общественных местах по статье о повреждении социалистического имущества. Полагают, что жестокость приговора связана с политическим характером надписей.

* * *

♦ Известная активистка движения Людмила Алексеева покинула СССР вместе со своим мужем Николаем Вильямсом – бывшим политзаключенным. На Западе Алексеева – основной представитель московской Хельсинкской группы.

♦ Сергей Ковалев подвергся операции в Ленинградской тюремной больнице. Его состояние улучшилось; он возвращен в Пермский лагерь.

♦ Вячеслав Игрунов выпущен из психбольницы.

♦ Кронид Любарский освобожден по концу срока из Владимирской тюрьмы. Поселен в Тарусе.

♦ Об обысках у членов Хельсинкской группы в Москве подробно см. в выпуске 2 "Документов Хельсинкской группы" (Изд. "Хроника", 1977).

САХАРОВ – КАРТЕР. ОБМЕН ПОСЛАНИЯМИ

В январе Андрей Сахаров обратился с личным письмом к президенту США Картеру. Частично это письмо было опубликовано в "Нью Йорк Таймс" 29 января.

Обращаясь к президенту США, Сахаров пишет:

"Очень важно защищать тех, кто страдает за ненасильственную борьбу, за открытость, за справедливость, за поправные права других людей. Наш и ваш долг – бороться за них. Я думаю, что многое зависит от этой борьбы – доверие между народами, доверие к высоким обещаниям и в конечном итоге – международная безопасность".

Сахаров отмечает, что не только в СССР, но и в других странах Восточной Европы ситуация очень серьезная: власти не желают идти ни на какие уступки в области основных прав человека.

Сахаров призывает президента выступить в защиту притесняемых и называет 15 имен политзаключенных:

1. Ковалев	9. Штерн
2. Светличный	10. Мороз
3. Романюк	11. Сергиенко
4. Джемилев	12. Макаренко
5. Глузман	13. Пронюк
6. Рубан	14. Семенова
7. Федоров	15. Федоренко
8. Винс	(голодает два года; осужден на 13 лет).

В феврале американское посольство в Москве передало Сахарову ответ президента Картера:

"Дорогой профессор Сахаров, я получил Ваше письмо от 21 января и хочу Вас поблагодарить за то, что Вы выразили пожелание изложить лично мне Ваши мысли. Права человека находятся в центре забот моего

правительства. В моей речи после вступления на пост президента я говорил: мы не можем быть безразличны к судьбе свободы где бы то ни было, потому что мы свободны. Вы можете быть уверены, что американский народ и мое правительство будут придерживаться твердых обязательств добиваться уважения прав человека не только в нашей собственной стране, но и за ее пределами.

Мы будем способствовать освобождению заключенных за инакомыслие и будем продолжать нашу работу для образования мира, отвечающего чаяниям человека, в котором нации с разными культурами и историей смогли бы жить вместе в мире и в справедливости.

Я всегда рад получать Ваши письма, желаю Вам всего доброго.

Искренне Ваш,

Джимми Картер

БУКОВСКИЙ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

В конце февраля и в первой половине марта Владимир Буковский находился в Соединенных Штатах по приглашению исполкома американских профсоюзов и издательства "Хроника". За время своего визита Буковский выступил во многих организациях, обращая внимание американской публики на положение политзаключенных в Советском Союзе и на те методы, какими западная общественность и правительства могут воздействовать на Советский Союз в направлении уменьшения жестокости нарушений прав человека.

1 марта Владимир Буковский беседовал в Белом Доме с вице-президентом США Мондейлом и был принят президентом США Джимми Картером. Во время приема президент Картер заявил:

"Наше обязательство защищать права человека неизменно, и у меня нет намерения быть осторожным по этому поводу в заявлениях и общественной позиции. Я хочу, чтобы они были положительными, а не отрицательными, и я также хочу заверить наш народ и другие страны, равно как и Советский Союз, что мы намерены гарантировать свободу всех людей и их права свободного выражения."

Буковский выступил в комиссии конгресса и на заседании исполкома американских профсоюзов. В этом выпуске публикуются тексты этих выступлений Буковского.

ОБ АРЕСТЕ АЛЕКСАНДРА ГИНЗБУРГА

Здесь публикуется письмо жены Гинзбурга об обстоятельствах его ареста. Биографическая справка о Гинзбурге была опубликована в прошлом выпуске "Хроники защиты"

В Международную организацию
"Эмнисти Интернейшнл"
от Жолковской Ирины Сергеевны

3 февраля 1977 года в Москве органами КГБ был арестован (на следующий день после публикации в "Лит. газете" клеветнической статьи о нем) мой муж Александр Ильич Гинзбург. Бесчеловечные обстоятельства этого ареста вынуждают меня просить Вас о помощи.

В течение трех последних лет мой муж являлся представителем Общественного Фонда помощи политическим заключенным и их семьям, основанного Александром Солженицыным. За три года деятельности этого фонда более 900 семей политических заключенных смогли получить помощь и поддержку. С мая 1976 года мой муж вошел в группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Есть все основания предполагать, что именно эта деятельность моего мужа, раздражавшая власти нашей страны, явилась причиной его ареста.

Уже дважды мой муж арестовывался советскими властями: в 1960 году за издание машинописного поэтического сборника "Синтаксис" и в 1967 году за составление сборника материалов о процессе Синявского и Даниэля. Сборник этот (под названием "Белая книга") был опубликован на Западе.

Сейчас моему мужу 40 лет. В общей сложности он пробыл в тюрьмах и лагерях 7 лет. Эти годы не прошли бесследно для его здоровья. Он страдает язвой двенадцатиперстной кишки, гастритом, дуоденитом (см. медицинское свидетельство в Приложении). Незадолго до ареста мой муж выписался из больницы, где провел 20 дней с диагнозом: бронхопневмония на фоне туберкулезной интоксикации. Его выписали для продолжения лечения в туберкулезном диспансере, с постоянной повышенной температурой, с "листочком нетрудоспособности" на руках (см. Приложение).

Вечером 3 февраля мой муж, в легкой одежде, вышел позвонить по телефону-автомату (наш квартирный телефон давно отключен властями). Вышел — и не вернулся. Его схватили у подъезда нашего дома и сочли излишним известить меня об этом. Бросив дома двух маленьких детей, сама больная, с температурой, я вместе с друзьями весь вечер ездила по милициям, пока наконец в приемной КГБ, уже ночью, мне не сказали, что по их распоряжению мой муж "задержан".

На следующий день выяснилось, что "задержание" означает арест. И в тот же вечер, 3-го февраля, сотрудники КГБ, прекрасно зная о болезни мужа, отвезли его в Калужскую тюрьму. (Калуга находится в 200 км от Москвы .)

Легко себе представить, как содержание в сырой и холодной камере может отразиться на здоровье человека с незалеченной пневмонией, с начинающимся туберкулезным процессом. Достаточно хорошо известен также губительный режим питания в советских тюрьмах, даже для здорового человека.

**Я ОПАСАЮСЬ ЗА ЖИЗНЬ МОЕГО МУЖА!
Я ПРОШУ ВАШЕЙ ПОМОЩИ!**

И. Жолковская

18 февраля 1977 года

Р.С. АИ Гинзбург содержится по адресу:
Калужский следственный изолятор,
ул. Клары Цеткин, д. 110
п/я ИЗ 37/1
Адрес Калужского УКГБ:
248610, г. Калуга
ул. Ленина, д. 72
тел. 7-23-31

В защиту Гинзбурга выступили Андрей Сахаров и Игорь Шафаревич.

Арестован Александр Гинзбург — представитель Солженицынского фонда помощи политическим заключенным и член Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.

Пять лет он подвергался постоянной травле — не имел права жить с семьей, его обыскивали, задерживали, со страниц советских газет лился на него поток отвратительной грязной клеветы. Теперь он снова в тюрьме. Это его третий арест. Если он будет осужден — это будет означать: полосатая форма особо опасного рецидивиста, лагерь особого режима, пониженная норма питания, одно письмо в месяц, одно личное свидание в год, одна килограммовая бандероль в год, одна продуктовая посылка в год — начиная с полусрока.

Александр Гинзбург только что вышел из больницы с направлением в туберкулезный диспансер для обследования и лечения. Диагноз: пневмония на фоне туберкулезной интоксикации. После семи лет лагерей он страдает тяжелой формой язвенной болезни (язва желудка и двенадцатиперстной кишки). Не нужно быть врачом, чтобы понять, что даже недлительное заключение может стать для него роковым.

Схваченный ночью на улице, Гинзбург отвезен в Калугу, где легче провести бесправный суд вдали от друзей и иностранных корреспондентов. В московской справочной КГБ жене Гинзбурга сказали, что он обвиняется по нескольким статьям Уголовного кодекса, однако не назвали эти статьи. В заявлении ТАСС фигурируют скупка икон, антисоветская деятельность, связь с антисоветскими организациями, валюта.

Статья, опубликованная в "Литературной газете" накануне ареста Гинзбурга, демонстрирует, что лжесвидетели уже готовы.*

Есть все основания опасаться, что арест Александра Гинзбурга — звено в цепи репрессий, запланированных навстречу Белградскому совещанию. Как далеко пойдет эта волна, где она на этот раз остановится — это зависит от реакции советской и мировой общественности.

Мы обращаемся ко всем, кто согласен с нами, что защита прав человека необходима для сохранения мира на земле. Наш общий долг — защитить Александра Гинзбурга.

*Андрей Сахаров
Игорь Шафаревич*

4 февраля 1977 года

В США Госдепартамент в связи с арестом Гинзбурга заявил о своей озабоченности продолжением преследований инакомыслящих в СССР.

В защиту Гинзбурга выступили советские инакомыслящие, недавно покинувшие СССР: А. Вольпин, П. Литвинов, В. Чалидзе, А. Краснов-Левитин и другие.

В заявлении для прессы А. Солженицына, в частности, говорится:

"Арест Александра Гинзбурга, главного представителя Русского Общественного Фонда в СССР, — не рядовая расправа с одиночным инакомыслящим, но выражает решимость советских властей задавить голодом и нищетой сотни семей преследуемых и заключенных, заставить бояться и замолчать тысячи других."

В феврале в Москве было предано гласности заявление в защиту Гинзбурга. Под заявлением — 261 подпись.

* "Литературная газета", 2 февраля.

НОВОЕ ДАВЛЕНИЕ НА САХАРОВА

25 января Андрей Сахаров был вызван в Прокуратуру и официально предупрежден о том, что он может быть подвергнут судебному преследованию.

В статье, опубликованной в "Нью Йорк Таймс" 23 февраля, заместитель Генерального Прокурора Гусев так описал это событие.*

Сразу после беспрецедентного взрыва в московском метро 8 января Андрей Сахаров безо всяких на то оснований публично обвинил власти в соучастии в этом преступлении, которое, как он утверждал, было совершено с целью санкционировать впоследствии репрессии против "диссидентов".

Это заявление не могло быть не замечено Прокуратурой Союза ССР, которая по Конституции занимается верховным надзором соблюдения законов.

Поэтому я пригласил Сахарова 25 января в прокуратуру и объяснил ему, что его провокационное заявление является абсолютно ложным и клеветническим измышлением, нарушающим ст. ст. 70 и 190 Уголовного кодекса РСФСР. По последней статье, в частности, ответственность наступает в случае систематического распространения измышлений, порочащих советский политический и общественный строй.

С. Гусев пишет далее:

Невозможно то, что, будь Сахаров гражданином США, он бы там оказался за решеткой. Аналогичные статьи существуют практически во всех уголовных кодексах западных стран. Все же из гуманитарных соображений мы до сих пор применяем только меры морального и превентивного характера к Сахарову и некоторым другим лицам. Этот факт часто рассматривается иностранной прессой и некоторыми "диссидентами", включая Сахарова, как результат внешнего "давления" на советские власти, которые якобы вынуждены "считаться с западным общественным мнением". Это — необоснованные иллюзии.

Сахаров в беседе со мной пытался подчеркнуть свой исключительный статус и прошлые заслуги, которые, утверждал он, дают ему право нарушать законы, существующие в нашей стране.

* К сожалению, редакция не располагает русским текстом статьи Гусева. Здесь приводятся цитаты в переводе с английского.

В заключение С. Гусев сообщает:

Апелляция Сахарова к общественному мнению Запада и поддержка его западными средствами массовой информации и даже официальными правительственными организациями есть попытка поставить Сахарова в исключительное положение. Если Сахаров и его западные защитники думают, что Советский Союз откажется от одного из фундаментальных принципов своей юридической системы – равенства всех граждан перед законом, они глубоко ошибаются.

27 января, после вызова Сахарова в Прокуратуру Госдепартамент США сделал следующее заявление:

Мы уже долгое время восхищаемся Андреем Сахаровым как искренним защитником прав человека в Советском Союзе. Как известно, он является выдающимся, уважаемым ученым, нобелевским лауреатом, который, с большим риском, трудится, чтобы способствовать уважению прав человека в его родной стране.

Никакие попытки советских властей запугать Сахарова не заглушат законную критику в Советском Союзе, и эти попытки будут противоречить принятым международным стандартам в области прав человека.

В "Нью Йорк Таймз" была опубликована статья В. Чалидзе в ответ на статью Гусева:

"В Советском Союзе не преследуют за мнения, а только за конкретные действия" – этот лицемерный тезис стал уже доктриной для оправдания политических репрессий. Это означает: "Имей любые мнения, но молчи; как только ты выразишь мнение, это уже действие, и за него можно попасть в тюрьму".

Из этой доктрины исходит заместитель Генерального Прокурора СССР Гусев в "Нью Йорк Таймз" 23 февраля в статье о его беседе с Сахаровым. Вот действие: выступал, давал интервью, критиковал, за это был гуманно предупрежден о том, что может быть судим. Еще действие: после таинственного взрыва в метро выразил опасение, что КГБ может использовать этот взрыв как предлог для преследования диссидентов, и за это вторично предупрежден, что может быть судим за клевету. В чем, однако, клевета? В недоверии к тому, что сотрудники КГБ работают в "белых перчатках"? (Они хвастались этим еще при Сталине.) В том, что Сахаров может ожидать от КГБ чего угодно? Так он прав. Слишком много печальных прецедентов в советской истории. Тайная полиция организовывала и аварии, и убийства, и провокации. Лишь потом об этом стало известно. После этого в "белые перчатки" можно верить только, если эта тайная полиция будет реорганизована в большей степени, чем после расстрела Берии, если она будет поставлена под более надежный, *гласный* контроль. Но КГБ и теперь – государство в государстве. КГБ и теперь дает указания судам, кого осудить, врачам – кого признать сумасшедшим. Теперь происходят таинственные нападения на инакомыслящих, которые остаются нерасследованными. Так погиб поэт Богатырев.

Прав ли Сахаров, подозревая, что взрыв в метро власти могут исполь-

зовать против диссидентов? Так ведь сразу после взрыва Виктор Луи заявил о связи этого события с диссидентами — об этом человеке принято считать, что он хорошо осведомлен об официальной позиции. Мало того. Теперешний секретарь московской группы "Международной Амнистии" Владимир Альбрехт был даже вызван на допрос по делу о взрыве — Альбрехт, тихий, мягкий человек, прозванный друзьями Дедом Морозом, ибо он организует новогодние елки для детей политзаключенных.

Эти факты говорят о том, что у властей было намерение хотя бы пропагандистски связать таинственный взрыв с диссидентами.

Да, Сахаров уже много лет критикует действия властей, но эта критика направлена против государства не более, чем деятельность комиссии сенатора Эрвина* против США. Он озабочен скверным ходом дел в своей стране, и он чувствует свой долг помогать своей стране изменить ситуацию. Он сделал для своей страны действительно много, сначала — как ученый, потом — как общественный деятель. Его авторитет поэтому огромен и внутри СССР и на Западе. Его преследования вызывают серьезные протесты в мире, к нему действительно особое отношение. Но я уверен, что это ложь, когда Гусев говорит, будто Сахаров сам сказал ему о своих заслугах и исключительном положении. Я очень близко знаю Сахарова и знаю его поразительную демократичность, застенчивость и даже нежелание выделяться.

Он имеет исключительное положение в мире, потому что он стал символом отпора беззаконию в безответной России, — я верю, что это положение защитит его от репрессий. Гусев, однако, хочет нас разубедить в этом. "Это — несобоснованные иллюзии, — говорит он, — что советские власти вынуждены считаться с западным общественным мнением." Я думаю, однако, что это не всегда иллюзии. И речь идет не о том, чтобы Советский Союз забыл о своих законах под западным давлением. Речь идет как раз о том, чтобы, учитывая западное общественное мнение, Советский Союз исполнял гарантии своей Конституции и законов о свободе слова и других правах, чтобы он исполнял свои обязательства по Международным пактам о правах человека, по Хельсинкскому Акту. Я очень надеюсь, что Советский Союз все же будет безразличен в этом к мнению своих международных партнеров. Недавние заявления президента Картера позволяют надеяться, что западные государства, во всяком случае — Соединенные Штаты, будут сообщать Советскому Союзу свои мнения о важности соблюдения прав человека. Не менее важен и интерес западной общественности к правам человека в СССР.

29 марта "Нью Йорк Таймс" опубликовала статью Сахарова, в которой сообщается о различных притеснениях его и его семьи.

В опубликованной в "Нью Йорк Таймс" статье С. Гусев излагает официальную позицию советских репрессивных органов в отношении меня лично и, косвенно, других диссидентов, особенно стараясь при этом

* Сенатор Эрвин возглавлял комиссию, расследовавшую "Дело Ватергейт". *Ред.*

подчеркнуть независимость этой позиции от вмешательства "западных защитников". Статья Гусева написана вскоре после опубликования письма ко мне президента США Д. Картера и явно является реакцией на него. Я уверен, что никто на Западе, и в том числе Президент Картер, не даст сбить себя с сознательно избранного и принципиального пути активной защиты прав человека во всем мире, имеющей решающее значение для будущего человечества. Но статья Гусева – это явная попытка проверить твердость этой позиции Запада.

Поводом для моего вызова в Прокуратуру СССР послужило обращение к мировой общественности о взрыве в московском метро и о других оставшихся нераскрытыми преступлениях. Гусев тенденциозно излагает мое заявление и полностью умалчивает о моей аргументации. Сам же он в своей статье через полтора месяца после взрыва ничего не сообщает о том, ведется ли расследование этого преступления. Гусев также обходит молчанием, ведется ли расследование о тех пяти случаях убийства, о которых я пишу в своем заявлении.

В беседе в прокуратуре я сказал, что, если в результате моего обращения будет произведено тщательное и объективное расследование и не пострадают невиновые, я буду глубоко удовлетворен. Могу только еще раз подтвердить эти слова. Конечно, я сознавал, что это мое выступление повлечет за собой тяжелые последствия для меня и моих близких, но я не считал себя вправе промолчать.

Гусев цитирует статью Кодекса США, по которой я якобы мог бы быть привлечен к ответственности, если бы был американским гражданином. Эта статья касается, однако, призыва к насильственному свержению правительства, чего я никогда не делал. Гусев не цитирует статей 70 и 190-1 Кодекса РСФСР, по которым множество людей страдают и погибают в заключении за ненасильственные действия, за распространение или только хранение правдивой информации – книг и самиздатских материалов, за религиозную деятельность, за желание покинуть страну.

Я готов предстать перед судом за свою открытую общественную деятельность, хотя считаю ее законной и не подпадающей под действие Уголовного кодекса, и не строю иллюзий относительно беспристрастности советского суда.

Но власти выбирают не открытый суд, а другие методы – трусливые и подлые. Сегодня в ход пускается все – бесчисленные анонимные угрозы физической расправы, клевета в печати и заявлениях ТАСС, незаконный отказ в обмене жилой площади, возбуждение уголовного дела против моей дочери, угроза возбуждения дела против ее мужа. Обмен двух двухкомнатных квартир на одну четырехкомнатную такой же площади необходим нам, так как в условиях непрерывных угроз убийства всех семи членов семьи, включая двух маленьких детей, мы не можем жить отдельно. Но именно поэтому органы власти этот вполне обычный и законный обмен не разрешают.

Участие КГБ в этом деле проявилось синхронной публикацией абсолютно лживой статьи корреспондента ТАСС, согласно которой у нас более 30 квадратных метров на человека – вместо 9 на самом деле, и слово обмен не упоминалось.

В феврале, сразу после "предупреждения" Гусева, над моей дочерью Татьяной Семеновой нависает угроза уголовного преследования, возбужденного прокуратурой якобы на основании анонимного письма. В

те же дни зятю Ефрему Янкелевичу угрожает судебное преследование за распространение "антисоветских" материалов и за "тунеядство". Вот так, вопреки лицемерным заявлениям Гусева о равенстве всех граждан перед законом, осуществляется попытка расправы над членами моей семьи — как изуверский метод мести и давления на меня. Но несмотря на эту страшную ситуацию, несравненно более трагичную, чем личная ответственность за собственные действия, я считаю своим долгом продолжать общественную деятельность. Я не вижу другой альтернативы. Но я надеюсь, что те люди Запада, которые приняли на себя бремя ответственности в защите прав человека, понимают трагически кульминационный характер положения, в котором сейчас находятся все защищающие права человека в СССР и других странах Восточной Европы, в том числе и я лично. Я надеюсь также на здравый смысл руководителей СССР и других социалистических стран, на их чувство ответственности и их стремление к устойчивости в мире.

Каждый день приносит сегодня новые проблемы. Так, 4 марта газета "Известия" публикует отвратительную провокационную статью, в которой желающие эмигрировать евреи обвиняются в шпионаже. Это — современный вариант дела Дрейфуса! Я призываю мировую общественность, главы государств, подписавших Хельсинкское соглашение, выступить против этой провокации.

Я призываю мир выступить в защиту арестованных членов Группы содействия Хельсинки — Гинзбурга, Орлова, Руденко, Тихого. Я призываю к защите Петра Рубана и всех тех заключенных, о которых я писал в письме к Президенту США, югославского писателя Михайлова, арестованных членов "Хартии-77" и других политических заключенных в странах Восточной Европы и в СССР.

Лейтмотивом моей общественной деятельности остается требование всемирной политической амнистии — свободы всем узникам совести. Я считаю это залогом мира.

Андрей Сахаров

Лауреат Нобелевской
премии Мира

О ПОЛОЖЕНИИ СУПЕРФИНА

Обращаем внимание широкой общественности на опасное состояние здоровья заключенного Владимирской тюрьмы Гавриэля Гавриловича Суперфина (1943 года рождения). Был арестован в Москве 3 июля 1973 года и судим в Орле по чисто политическому обвинению: ему были инкриминированы редактирование дневника Э. Кузнецова ("самолетчика") и передача дневника на Запад, редактирование книги "Неподцензурная Россия", участие в издании "Хроники текущих событий". 12 мая 1974 года Суперфин был приговорен к пяти годам тюремного заключения и двум годам ссылки.

Уже в момент ареста Суперфин находился в состоянии крайнего физического и нервного истощения (с детских лет он страдал ревмокардитом). За истекшие три с половиной года заключения состояние здоровья Суперфина значительно ухудшилось.

Около года Суперфин провел в лагере в Пермской области, причем четыре месяца — в лагерной тюрьме, из которой по решению местного суда 5 августа 1974 года он был отправлен во Владимирскую тюрьму, где находится в настоящее время.

Суперфин страдает тяжелым гастритом и холециститом; недавно у него было обострение парапроктита. В течение двух с лишним лет, проведенных во Владимирской тюрьме, Суперфин дважды попадал в тюремную больницу (последний раз 15 декабря 1976 года; по-видимому, в настоящее время он находится в больнице).

Сколько-нибудь подробных сведений о диагнозе и самочувствии Суперфина получить не удалось — ввиду скудости сведений, предоставляемых тюремной администрацией заинтересованным лицам. В частности, было сообщено, что у Суперфина обнаружилось "заболевание печени", но характер этого заболевания никак не был прояснен. В письмах Суперфина постоянно вычеркиваются места, относящиеся к его здоровью и самочувствию.

Во Владимирской тюрьме Суперфин неоднократно подвер-

гался наказаниям. Летом прошлого года он выдержал три месяца строгого режима (половина пищевого рациона, получасовая прогулка – вместо часа при обычном режиме). Несколько раз подвергался помещению в карцер (со слов освободившихся заключенных, в карцере заключенные получают только хлеб и воду, лишены прогулок, спят на подстилке – вместо постели – на цементном полу). Подобные наказания совершенно непосильны для человека столь хрупкого сложения и столь истощенного, как Г.Г. Суперфин – в 33 года при росте менее 160 см он весит 45 килограмм.

В начале прошлого года Суперфин выдержал месячную голодовку, вызванную изъятием у него Библии.

В ноябрьском письме (прошлого года) Суперфин жаловался на крайнюю физическую усталость, истощение и отупение. Можно только догадываться, что это означало очередное заключение в карцер. Стало также известно, что он лишен очередного свидания, намечавшегося на март этого года и отложенного до сентября.

Как хорошо известно, Суперфин много и плодотворно работал в архивах. Достаточно отметить также результаты его разысканий, как публикация неизвестного портрета Блока, подборка материалов об Ахматовой, обнаружение письма Гоголя Панову.

Заключение Суперфина означает, по существу, его медленное убийство – или, во всяком случае, превращение в инвалида. Люди доброй воли не должны допустить гибели этого выдающегося работника истории русской культуры.

Январь 1977 года

Игорь А. Мельчук

ЗАЯВЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА БОРИСОВА

Стало известно сентябрьское заявление Борисова – бывшего политзаключенного психиатрической больницы. Вскоре после обыска, упоминаемого в этом заявлении, Борисов был вновь заключен в психиатрическую больницу и лишь в марте выпущен. Одновременно 13 сентября был произведен обыск у жены Борисова – Ирины Каплун, участницы правозащитного движения, бывшей политзаключенной.

Заявление для прессы

В нашей стране уже более полувека – информационный голод. На поддержание этого голода уходят значительные силы и средства государства. Необходимость создания абсолютно закрытого (в том числе и от самого себя) общества настолько важна для поддержания Советской власти, что издержки в виде развала экономики, науки, искусства ее не останавливают. Нет официально провозглашенной государственной монополии на средства информации – есть неограниченные возможности осуществления этой монополии. Одно из средств ее осуществления – террор. Пресекаются любые попытки узнать и поделиться с другими информацией, не служащей государственной выгоде, как ее в каждый данный момент понимают власти. На обысках вместе с литературой изымаются орудия "преступления": магнитофоны, пишущие машинки, любительские фотоувеличители и т.д. – все, что является или кажется обыскивающим приспособлением для размножения текста.

В этих условиях чрезвычайно остро стоит проблема самостоятельного тиражирования неподцензурной литературы.

Плата же за решение этой проблемы – либо тюрьма, либо спецпсихбольница, либо бандитское нападение из-за угла.

Я разработал технологию и простое, дешевое печатное оборудование, которое легко изготовить в домашних условиях. Один из экспериментальных образцов был отобран у меня во время недавнего обыска.

Я убежден, что в моих действиях нет ничего противозаконного. Считаю своим правом и своим долгом способствовать свободному обмену и распространению информации.

Сентябрь 1976 года

В. Борисов

УГРОЗА НОВОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ГРИГОРЕНКО

З а я в л е н и е

Сегодня мне прислали повестку – вызов в КГБ для “беседы” к Прыткову (телефон 202-30-71). Я по вызову не пошел по следующим причинам.

1. Пятнадцать лет я и моя семья подвергаемся незаконным репрессиям. Все они исходят от КГБ. Нарушения закона не отменяются. Я, например, до сих пор лишен законом предусмотренной заслуженной пенсии. Зачем мне идти в организацию, которая способна лишь на беззакония?

2. Сама повестка для “беседы” незаконна. По повестке должны вызывать лишь по мотивам, предусмотренным в Уголовно-процессуальном кодексе. Незаконное приглашение я принять не мог.

3. Опыт свидетельствует, что такие приглашения небезопасны. Петра Старчика, например, вызвали для беседы. Он вошел в комнату, дверь закрылась. Семья осталась перед закрытой дверью, а Старчика через другую дверь вывели в санитарную машину и отправили в психбольницу. Я не хочу способствовать такому произволу.

Петр Григоренко

2 декабря 1976 года

Петр Григоренко, бывший генерал Советской Армии, бывший политзаключенный психиатрической больницы, в последнее время вновь активен в выступлениях в защиту прав человека в СССР. Описанный в публикуемом заявлении случай вызова его в КГБ вызвал беспокойство в кругах друзей Петра Григоренко.

О ПОПЫТКАХ СКОМПРОМЕТИРОВАТЬ ПРАВООЗАЩИТНОЕ ДВИЖЕНИЕ*

Уже не раз советские власти выступали с попытками скомпрометировать правозащитное движение, обвиняя диссидентов в связи с эмигрантскими политическими организациями, стараясь убедить публику, что диссиденты действуют по указке из-за границы. Теперь подобная клевета уже недостаточна — к ней привыкли. И вот появились прямые обвинения в связи с ЦРУ: в "Известиях" 5 марта опубликовано письмо Липавского, который был связан с диссидентами и одновременно якобы получал задания от американской разведки. Для большей убедительности опубликован план тайника и фото секретного контейнера. Ни из чего, впрочем, не следует, что диссиденты, упоминаемые в статье — Лернер, Азбель, Слепак, — тоже были связаны с ЦРУ, но у советского читателя должно создаться такое впечатление. Впрочем, догадливый читатель поймет, что даже самая неквалифицированная разведка не будет связываться с людьми, за которыми буквально день и ночь следит КГБ, а именно в таком положении находятся в Советском Союзе диссиденты. Но что особенно показательно: чтобы скомпрометировать диссидентов в глазах советской публики, пропаганде мало сказать, что они связаны с американской разведкой, надо еще показать, что они евреи. Действительно, все упоминаемые в статье имена — еврейские. История повторяется: когда противники большевиков ругали их, то ругали их именно жидобольшевиками. Теперь этот пропагандистский козырь используют сами большевики. Тогда этот прием не помог, поможет ли он теперь?

* Опубликовано в "Нью Йорк Таймс", 27 марта 1977 года.

ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО БЕЛГРАДА

1. Общая оценка

Развитие событий с августа 1976 года, когда Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений опубликовала обзор "Год после Хельсинки", показало всю справедливость тогдашнего взгляда на проблему прав человека в СССР. В частности, подтвердилась высказанная тогда оценка: "Советское правительство не намерено выполнять свои международные обязательства по правам человека", а также сформулированный нами в августе 1976 года вывод, что Заключительный Акт Европейского совещания воспринимается все большим числом людей как юридическая основа в борьбе за права человека.

С тех пор, опираясь на положения Заключительного Акта, участники движения за права человека — как в СССР, так и в других странах Восточной Европы — активно выступают, требуя соблюдения подписанных в Хельсинки соглашений. В Польше правозащитники, по-видимому, с успехом отстаивают права рабочих, протестовавших против повышения цен на продукты питания. В ГДР со ссылкой на положения Заключительного Акта прозвучал протест против лишения гражданства певца и поэта В. Бирмана. В Чехословакии на той же юридической основе борцы за права человека сформулировали чрезвычайно ценный документ — "Хартия-77"; причем, несмотря на репрессии, последовавшие за этим со стороны властей, число подписавших "Хартию-77" продолжает расти. В Румынии 8 человек выступили с заявлением о нарушении прав человека в их стране. С протестом против нарушения гражданских свобод, оговоренных в Заключительном Акте совещания, выступил известный югославский писатель и общественный деятель М. Джилас. Число примеров, свидетельствующих о том, что общественность стран Восточной Европы все серьезнее относится к обязательствам, взятым на себя правительствами стран-участниц совещания, растет с каждым днем.

В СССР также продолжает расти активность отдельных лиц и групп населения, опирающихся в борьбе за гражданские права на Заключительный Акт Хельсинкского совещания. Увеличивается поток писем от граждан СССР в различные советские органы, в общественные группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, а также письма в международные организации о положении заключенных, о психиатрических преследованиях, о нарушениях в вопросах свободы совести, свободы вероисповедания, свободы обмена информацией, о нарушениях права на эмиграцию.

Все больше и больше узников совести заявляют, что вопиющим нарушением Хельсинкских соглашений является прежде всего их осуждение, а также бесчеловечные, жестокие условия содержания в местах лишения свободы (в частности, наказания голодом и холодом, принудительный труд, непреодолимые преграды в переписке, конфискация жалоб и заявлений и т.д. и т.п.). Приходят также письма и заявления от политических ссыльных и от бывших узников совести, подвергающихся грубой дискриминации в выборе места жительства, возможности передвижения, в выборе работы.

Резко возросла активность еврейского эмиграционного движения, усилились попытки добиться возрождения еврейской национальной культуры в СССР, ширится движение немцев, добивающихся права выехать в ФРГ.

Увеличилось также число людей, требующих осуществления своего права на эмиграцию по религиозным, социально-экономическим и другим причинам. Принципиально новым явлением можно считать попытки эмиграции не по индивидуальным вызовам, а большими группами (как, например, недавнее заявление о выезде от более чем 500 пятидесятников).

Группа содействия передала на суд мировой общественности и государств, подписавших Заключительный Акт совещания в Хельсинки, ряд документов, информирующих о многочисленных фактах нарушений основных прав человека в СССР. События последних месяцев снова показали, что советское правительство крайне нетерпимо относится к любой информации, не контролируемой официальными советскими органами, о реальном положении в области прав человека.

2. Борьба властей против распространения нежелательной информации

С конца 1976 года советские власти начали новое наступление против тех, кто открыто занимается сбором сведений и информированием мировой общественности о нарушениях прав человека в СССР.

Прокуратура СССР сделала официальное предупреждение лауреату Нобелевской премии мира академику А.Д. Сахарову. Вскоре последовал арест органами государственной безопасности четырех членов групп содействия выполнению Хельсинкских соглашений: арестованы А.И. Гинзбург, представитель общественного фонда помощи политзаключенным в СССР; Ю.Ф. Орлов, основатель и руководитель московской Группы, физик, член-корреспондент Армянской Академии наук; писатель М. Руденко, руководитель украинской Группы содействия; педагог О. Тихий, член той же Группы. До и после арестов были проведены обыски у ряда членов Группы, причем в некоторых случаях подбрасывали криминальные предметы и "обнаруживали" их в квартирах обыскиваемых.

Аресты и обыски проходят под аккомпанимент беспардонной кампании диффамации борцов за права человека в СССР, в частности в газетах "Правда", "Литературная газета", "Голос Родины", в сообщениях ТАСС для Запада, а также в специальных лекциях и беседах.

Нет сомнения, что клевета, распространяемая средствами массовой информации, преследует одну цель — подготовить общественное мнение внутри страны к политическим процессам против правозащитников в Советском Союзе. Всем им, судя по пропагандистским статьям, будут предъявлены обвинения в клевете на СССР или в банальных уголовных преступлениях, вроде незаконных валютных операций и хранения оружия (принесенных на обыск самими сотрудниками КГБ). Реальная же причина ареста четырех членов групп содействия и угроз другим правозащитникам в СССР, например, предупреждения, сделанного председателю советского отделения "Международной Амнистии" В.Ф. Турчину, — это стремление властей запугать всех борцов за гражданские права внутри страны и прервать нарастающий с

каждым днем поток информации о нарушениях соглашений, подписанных в Хельсинки.

По-видимому, давление со стороны советских властей и репрессии против правозащитников будут возрастать. Но необходимо иметь в виду и иной аспект нынешней кампании репрессий в СССР: советское правительство намерено отчетливо продемонстрировать всему миру свое безразличие к тем голосам критики его действий, которые раздаются на Западе, показать твердость и отбить у представителей мировой общественности охоту откликаться на призывы о поддержке, раздающиеся в СССР. Однако подобные действия несовместимы с климатом доверия, к созданию которого, казалось бы, стремятся страны-участницы совещания в Хельсинки.

Мы убеждены, что есть только один курс, способный реально установить доверие к советскому правительству: *прекратить планомерное и безжалостное подавление гражданских свобод и элементарных прав человека в СССР*. Ничто другое — ни репрессии против членов групп, ни увертки на дипломатическом фронте, ни массивная кампания диффамации диссидентов — не поможет советским властям утаить правду о нарушениях Всеобщей декларации прав человека ООН, Международного пакта о гражданских и политических правах, Заключительного Акта Европейского совещания.

В современном мире нельзя рассчитывать, что факты бесконечного подавления элементарных свобод в СССР не станут достоянием мировой общественности.

3. Дальнейшая деятельность

Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Со своей стороны, члены московской Группы, несмотря на репрессии, будут по-прежнему информировать мировую общественность о всех нарушениях международных обязательств о правах человека, взятых на себя правительством СССР. Плодотворность инициативы Ю.Ф. Орлова в создании московской Группы содействия подтверждена многими фактами, в частности, возникновением аналогичных групп на Украине, в Литве, в Грузии. В ответ на давление со стороны властей и арест двух ведущих ее сотрудников Группа объявляет о кооптации двух но-

вых членов: кандидата физико-математических наук Ю.В. Мнюха; профессора, доктора физико-математических наук Н.Н. Меймана. Член Группы Л.М. Алексеева в связи с ее отъездом из СССР будет выполнять обязанности представителя Группы за границей. Таким образом, несмотря на репрессии последних месяцев, Группа продолжает работать.

Группа считает, что одной из причин репрессий против ее членов является страх советского руководства перед объединением, на основе третьего раздела Хельсинкского совещания, людей внутри СССР и стран Восточной Европы, заинтересованных в соблюдении обязательств, взятых на себя в области прав человека правительствами этих стран.

Стремление расколоть наметившееся в Советском Союзе единство борцов за права человека сквозит во всех пропагандистских выступлениях средств массовой информации по данному вопросу. Страх перед усилившимся движением за права человека в СССР становится еще сильнее потому, что борьба за права человека начинает получать некоторую поддержку от ряда коммунистических партий Западной Европы. Правительство СССР пошло на очевидный риск – потерю доверия у единомышленников по идеологии и партнеров по Хельсинкскому совещанию, лишь бы сохранить за собой возможность преследовать советских граждан за любые попытки отстоять культурные и социальные ценности, неугодные властям.

В связи с опасностью, которая нависла сейчас над арестованными членами Группы, а также в связи с кампанией клеветы, проводимой органами массовой информации, Группа содействия предложила находящимся за рубежом Людмиле Алексеевой, Андрею Амальрику, Владимиру Буковскому, Льву Квачевскому, Леониду Плющу, Валерию Чалидзе разъяснить истинные цели и характер работы Группы во время личных встреч как с официальными представителями стран, подписавших Заключительный Акт, так и с представителями западной общественности и политических партий.

Сейчас, когда выявились глубокие разногласия между руководителями стран Запада и Востока в вопросе о том, какими критериями руководствоваться при оценке выполнения пунктов о правах человека (как это видно, например, из письма пре-

зидента Картера академику Сахарову и заявления посла СССР в США Добрынина в связи с этим), обсуждение и установление таких критериев представителями независимого общественного мнения стран Запада и Востока было бы особенно важным и могло бы сыграть большую роль при подготовке и проведении совещания в Белграде.

27 февраля 1977 года

*Группа содействия выполнению
Хельсинкских соглашений в СССР*

США И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СССР*

Мне странно наблюдать, как быстро меняется тон американской прессы. Помню, администрацию Форда — Киссинджера критиковали за то, что она была безразлична к проблеме прав человека в других странах. Теперь президента Картера критикуют за внимание к этой проблеме.

Я думаю, что даже критика старой администрации была не вполне справедлива. Тогда после усилий американского правительства были освобождены советские политзаключенные Симас Кудирка и Сильва Залмансон; оно же содействовало обмену Буковского на Корвалана; оно же много помогло в деле свободы эмиграции евреев из СССР. Хотя я не был согласен со многими принципами старой администрации, я думаю, надо помнить то, что было сделано, и надо помнить, что впервые в истории отношений с СССР Соединенные Штаты проявили такое внимание к этим проблемам. Конечно, проявили внимание лишь под давлением общественного мнения, но и за это можно хвалить — вообще правительства редко интересуются гуманитарными проблемами без общественного давления.

Теперешняя твердая и открытая позиция президента в вопросе о правах человека похвальна прежде всего потому, что она отражает идеалы, которые издавна вдохновляли лучших людей в США, — идеалы уважения к свободе личности. Проблема прав человека в международном праве уже признана общечеловеческой, и интерес к обеспечению прав человека в других странах уже в силу этого не есть вмешательство во внутренние дела этих стран.

* The Wall Street Journal, Friday, April 8, 1977.

Некоторые считают, что такая позиция Белого дома – временна, что более важные политические интересы отвлекут правительство США от заботы о правах человека в других странах. Это будет печально, но в любом случае западное общественное мнение, я уверен, будет нашим союзником. Другие оценивают выступления Картера в защиту диссидентов, как ответ на то, что СССР поддерживает коммунистов в западных странах, – я надеюсь, это не так: такой симметрии нет уже потому, что обычно цель коммунистических партий – разрушение существующего конституционного правопорядка в их странах, а диссиденты в СССР борются, напротив, за соблюдение конституционных гарантий и законных процедур.

Очень важно, что США проявляют интерес к правам человека не только в странах коммунистического мира, но и в странах, находящихся под их непосредственным политическим влиянием. Правда, от приезжающих на Запад советских диссидентов можно часто слышать, что главное – это проблема прав человека в СССР. Причина такого взгляда не только в их особой любви к своей стране, но и в неосведомленности о том, что в некоторых странах и Латинской Америки, и Азии, и Африки происходят вопиющие нарушения прав человека, если не по массовости, то по жестокости часто превосходящие то, что творится в СССР.

В одном, однако, правы те, кто обращает особое внимание на Советский Союз. Дело в том, что СССР не только нарушает права своих граждан, но и проповедует идеологию, оправдывающую эти нарушения, и эта идеология все более используется правителями некоторых развивающихся стран для оправдания притеснений людей; эта идеология даже может влиять на развитие международного права – я имею в виду, например, распространенное среди членов ООН мнение о том, что обеспечение гражданских прав – дело второстепенное по сравнению с обеспечением прав социально-экономических.

Могут спросить, почему США должны интересоваться тем, что люди в СССР сами не могут устроить свои дела и добиться от своего правительства уважения к правам человека. Мы долго пытались войти в дискуссию с правительством. Я, например, за годы своей правозащитной деятельности в СССР ни разу не подписал письма к иностранному правительству – я писал со-

ветским руководителям. Так же поступали и мои друзья: и Сахаров, и Твердохлебов, и Ковалев, и многие другие. Ответом было не только молчание, но и репрессии. Правительство СССР не хочет обсуждать со своими гражданами эти проблемы. Естественно, что постепенно в последние годы диссиденты почти перестали обращаться к своему правительству, предпочитая апеллировать к международному общественному мнению, к международным правозащитным организациям, а часто и к правительствам — партнерам Советского Союза по международным соглашениям. Других методов у нас нет, если руководители СССР не хотят нас слушать, — мы не революционеры, чтобы поднимать народ на восстание, мы не политическая партия, чтобы вести борьбу за власть. Мы ведем моральную борьбу за признание человеческого достоинства и уважение прав личности, и в этой борьбе естественно обращаться к тем, кто в своих странах также вел или ведет такую борьбу, — и потому нас поддерживает общественное мнение Запада. Кроме того, естественно обращаться к тем, кому СССР дал обязательства по соблюдению прав человека, — к партнерам СССР по ООН и по Хельсинкскому соглашению. И мы, естественно, ожидаем, что эти государства могут проявить требовательность к СССР в том, чтобы он выполнял взятые обязательства.

При этом советские диссиденты добросовестно уверены, что, апеллируя к западному общественному мнению и к партнерам СССР по соглашениям, они не наносят ущерба своей стране: нас всегда вдохновляла уверенность, что, выступая за права человека, мы хотим улучшить свою страну, а не повредить ей.

Какими способами можно проявить такую требовательность? Скажу о некоторых.

Прежде всего, это открытые заявления о своей позиции, о своем неодобрении нарушений прав человека — то, что к удивлению некоторых критиков делает президент Картер. Бояться, что это напротив повредит советским инакомыслящим — на это они уже ответили, что только твердая позиция Запада может помочь в их борьбе. Такая позиция — это не только моральная поддержка для советских инакомыслящих, не только основа для дальнейших шагов в этой области; такая позиция президента Картера — это защита чести Соединенных

Штатов (надеюсь, что не только президент в США думает о старомодном понятии чести).

Другой способ — испытанный — это "тихая дипломатия", которую с успехом применял Киссинджер. Она дала результаты и может помочь в будущем при решении конкретных вопросов. Дело в том, что советские руководители не настолько сильны, чтобы не бояться, что о них подумают, что они слабые. Они боятся открыто идти на уступку, они часто боятся сделать хорошее дело, чтобы это не было истолковано как слабость. Я уверен, что личные контакты западных деятелей с советскими могут быть полезными, тем более что те иногда тоже хотят казаться цивилизованными людьми.

Наиболее последовательным методом является, конечно, использование международно-правовых процедур. Советский Союз ратифицировал много конвенций по правам человека. С самого начала моей общественной деятельности в 1969 году меня удивляло, что западные страны весьма пассивны в том, чтобы настаивать на выполнении Советским Союзом норм этих конвенций, даже когда об их нарушении в СССР широко известно, как, например, о политической или религиозной дискриминации в области труда и образования. Ни одно государство не обращает на это внимания, хотя известно, что инакомыслящих выгоняют с работы, а у баптистов отбирают детей. Никто не вспоминает о Конвенции против геноцида, хотя широко известно о жестоком выселении татар с запретом возвращаться даже теперь. Никто не вспоминает о Всемирной почтовой конвенции, несмотря на то что все знают, что почтовая цензура в СССР часто "теряет письма", а иногда не пропускает посылки, которые друзья посылают отсюда, чтобы помочь лишенным работы инакомыслящим.

Каждая конвенция предусматривает какую-то, пусть не всегда очень эффективную, процедуру контроля и дискуссии — этим надо пользоваться. Почему рассчитывать только на политические методы, когда есть и чисто правовые? Столь же важно внимание к выполнению гуманитарных статей Хельсинкского Акта — кажется, в этом США собираются быть более активны.

Некоторые возлагают большие надежды на использование развития торговых отношений в том, чтобы побуждать Советский Союз к большему уважению прав человека. Это, однако,

более сложный инструмент для использования в этой области. Не всегда торговые ограничения приемлемы даже в целях обеспечения прав человека. Например, я согласен с Сахаровым, заявившим, что ограничения в области торговли зерном были бы безнравственны даже с такой целью. В то же время в вопросе предоставления кредитов установление условий, связанных с правами человека, оправдано и подчеркивает серьезность отношения США к этой проблеме — именно в этом важная роль поправки Джексона. США вправе выбирать, с кем и на каких условиях торговать с другими государствами, особенно, когда эта торговля больше напоминает экономическую помощь, т.к. США предоставляют кредиты.

Я сказал, что это трудный инструмент, еще и потому, что в развитии торговли заинтересовано много лиц, безразличных к правам человека в других странах; излишне говорить при этом, что я не жду от США ограничения торговли с СССР, если это будет противоречить экономическим интересам США.

Не раз отмечалось, что нельзя переговоры о разоружении ставить в зависимость от проблемы прав человека — я согласен с этим, но хочу напомнить, что и переговоры о разоружении, и вопрос о правах человека связаны с проблемой международной безопасности от нарушения мира агрессором. Агрессия государства начинается не с объявления войны — она начинается с преследования собственных граждан за честное и правомерное поведение. Когда у критиков заткнуты рты, правительство получает возможность готовить международную агрессию, раздувать военный психоз среди населения, тайно увеличивать военный бюджет в ущерб социальным потребностям населения.

При любых пожеланиях об активности США в защите прав человека в СССР разумно помнить, что правительство США прежде всего защищает интересы США и безопасность США, но очень важно, если оно понимает связь этих интересов с тем, чтобы его столь сильный партнер — СССР — эволюционировал в сторону большей открытости общества и гуманизации внутренней жизни.

Томас Венцлова

О ЛИТОВСКОЙ ГРУППЕ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ

Литовская Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений была образована 25 ноября 1976 года. Несколько дней спустя о создании Группы было объявлено на пресс-конференции, которая состоялась на квартире Юрия Орлова в Москве. 1 декабря 1976 года агентство "Рейтер" передало сообщение о Группе и ее деятельности.

В Группу вошло пять человек, весьма различных по опыту и взглядам. Четверо из них — литовцы, один — еврей. Группу объединяет намерение законным и открытым образом способствовать выполнению Хельсинкских соглашений касательно Литвы. Хотя Группа является всего лишь свободным объединением нескольких единомышленников, члены ее имеют основание полагать, что их мнения разделяются весьма многими жителями Литвы, которые по разным причинам не могут выражать их открыто.

Группа не имеет председателя и какого бы то ни было формального устава. Старшей по возрасту среди членов Группы является Она Лукаускайте-Пошкене (родилась в 1906 году). В независимой Литве она была известна как поэт и общественный деятель левого направления. Она участвовала в послевоенном антисталинском движении и провела около десяти лет в концлагерях. Некоторые новые ее произведения опубликованы в литовской печати в США.

Отец Каролис Гаруцкас, также находящийся в преклонных летах, — настоятель села Цейкиней на северо-востоке Литвы, член ордена иезуитов. Он известен как участник религиозного движения в Литве и неоднократно выступал с критикой официальной литовской церковной иерархии.

Викторас Пяткус — религиозный активист, шестнадцать лет

(1945-1953 и 1957-1965) проведенный в заключении. Он был одним из наблюдателей во время процесса Сергея Ковалева. Пяткус является выдающимся знатоком литовской истории и поэзии.

Томас Венцлова – поэт и литературовед, сын известного советского писателя Антанаса Венцлова (1906-1971). Он, в частности, перевел на литовский язык некоторые произведения Джойса, Элиота, Мандельштама, Пастернака, Ахматовой. В мае 1975 года Томас Венцлова обратился в ЦК литовской компартии с просьбой об эмиграции, после чего более года преодолевал различные бюрократические препятствия. Участник самиздата. Стихи его опубликованы в журнале "Континент" (№ 9, 1976).

Эйтан Финкельштейн – физик, активист еврейского движения, шесть лет находящийся "в откате".

Группа опубликовала манифест, в котором указаны фамилии и адреса всех ее членов. Следует заметить, что в Группе представлены как деятели либерально-демократического направления (Она Лукаускайте-Пошкене, Томас Венцлова), так и католические активисты (о. Каролис Гаруцкас, Викторас Пяткус). Эйтан Финкельштейн представляет национальные меньшинства в Литве.

В манифесте указано, что Группа будет обращать наибольшее внимание на гуманитарные параграфы соглашения в Хельсинки. Члены Группы готовы принимать заявления от отдельных лиц, от групп и организаций, касающиеся нарушений данного соглашения на территории Литвы, в связи с Литвой или со специфическими литовскими проблемами. Группа надеется, что правительства, подписавшие соглашения в Хельсинки, учтут, что современный статус Литвы определен введением на ее территорию советских войск 15 июня 1940 года и будут особо наблюдать за тем, чтобы в Литве не нарушались права человека.

Литовская Группа не является частью или ответвлением московской группы, но поддерживает с ней дружеские отношения.

Кроме манифеста Группа опубликовала два заявления и один документ. В первом заявлении, подписанном кроме членов литовской Группы также Юрием Орловым и Людмилой Алексеевой, говорится о двух литовских католических епископах – Юлионасе Степонавичюсе и Винцентасе Сладкявичюсе, которые за отказ сотрудничать с властями и КГБ находятся в многолет-

ней ссылке и не могут управлять своими епархиями.

Во втором Заявлении подвергается критике Указ от 28 июля 1976 года о религиозных организациях в Литве, ущемляющий нормальную религиозную жизнь и свободу совести. В документе указано, что 19 октября 1976 года по обвинению в хранении и распространении якобы антисоветской литературы арестованы жители Вильнюса Владас Лапенис и Ионас Матуленис.

После образования Группы один из ее членов Томас Венцлова 6 января 1977 года получил разрешение выехать из СССР, которого добивался с мая 1975 года.

11 января 1977 года Она Лукаускайте-Пошкене была вызвана в прокуратуру города Шауляй (по месту жительства), где ее около трех часов пытались запугать и добивались ее отказа от участия в Группе. Эти попытки не увенчались успехом.

Томас Венцлова, 25 января 1977 года выехав на Запад, заявил, что, невзирая на временный отъезд (ему был выдан советский паспорт сроком на пять лет), остается членом Группы и будет представлять ее интересы. 24 февраля 1977 года он выступал как свидетель перед Комиссией конгресса США по безопасности и сотрудничеству в Европе. Венцлова упомянул в своем свидетельстве о различных нарушениях прав человека в Литве и в связи с Литвой, о делах Ниеле Садунайте и Сергея Ковалева, о гибели Миндаугаса Томониса, об исключении из средней школы Витатуса Богушиса и четверых его друзей в связи с их интересом к прошлому Литвы, к религии и к русским диссидентам. Он также указал на случай давления, оказываемого на священников, исполняющих свой пастырский долг: так, ксендз Станисловас Добровольскис в конце 1976 года был вызван в КГБ, где ему угрожали переводом в отдаленный приход, а ксендз Альфонсас Сваринскас в 1976 году был судим и подвергнут штрафу за организацию религиозного шествия. По словам Венцловы, Группе известны случаи Кястутиса и Йокубинаса, бывшего политзаключенного, который много лет не может выехать в Канаду к брату; жителя Паневежиса Пухлякова, который обратился в Группу с жалобой на насильственное содержание в психиатрической больнице; жителя Вильнюса, христианина-пятидесятника Васильева, который изъявил желание эмигрировать из СССР в связи с административными преследованиями. Известно также, что многие тысячи литовцев, участников послевоенного партизанского дви-

жения, после отбытия срока в лагерях не могут поселиться в Литве. Это серьезное нарушение свободы передвижения усугубляется тем, что литовцы в других республиках лишены каких бы то ни было возможностей литовской культурной деятельности.

Венцлова выступил с лекциями о правах человека в СССР и Литве в Гарвардском, Йельском, Мичиганском университетах и опубликовал интервью на эту тему в газете "Чикаго Трибюн" (15 марта 1977 года), а также выступил в США перед литовской аудиторией.

В настоящее время деятельность литовской Группы несомненно стеснена, но, по имеющимся сведениям, члены Группы находятся на свободе, и Группа продолжает существовать.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПЕРЕД РУКОВОДИТЕЛЯМИ АМЕРИКАНСКИХ ПРОФСОЮЗОВ

Мы в Советском Союзе хорошо знаем, что в лице АФТ—КПП мы имеем постоянных и надежных друзей, не разделяющих вопроса о свободах государственными границами. Я лично хотел бы поблагодарить американских рабочих за их участие в кампании моей защиты, которая закончилась моим освобождением. Американские профсоюзы неоднократно доказывали, что солидарность для них— это не лозунг, не пустые слова, а ежедневная практика. Мы помним, что еще в 1947 году, когда никто на Западе не хотел слышать о массовом терроре в стране недавнего союзника, американские профсоюзы собрали показания множества бывших советских политзаключенных и опубликовали первую карту Архипелага ГУЛаг. Когда американское правительство в очередной раз было готово спастись разваливающейся советскую экономику и тем укреплять тоталитарную систему, позиция американских профсоюзов оказалась решающей, и Советский Союз не получил режима наибольшего благоприятствования. Только теперь я получил возможность прочесть выступление г-на Мини в Комиссии по иностранным делам Сената 1 октября 1974 года и могу засвидетельствовать, что все мои товарищи по заключению подписались бы под такой речью.

Я приехал к вам как представитель советских политзаключенных, чтобы вместе с вами обсудить, как наилучшим образом помочь угнетенным, эксплуатируемым, лишенным свободы. Когда меня здесь спрашивают, сколько в Советском Союзе политзаключенных, я отвечаю: "250 миллионов". И это не шутка — потому что мы живем в стране, которая окружена колючей проволокой, в которой существует рабский труд, в которой нет свободы передвижения, в которой защита своих прав считается уголовным преступлением.

Когда рабочие в СССР читают в советских газетах многочисленные, подробные сообщения обо всех забастовках на Западе, многие из них всерьез верят, что вы умираете с голоду: в Советском Союзе только человек, которому грозит голодная

смерть, может решиться на такое крайнее действие, как забастовка. Редкие отчаянные забастовки в Советском Союзе происходят не под требованиями улучшения условий труда или повышения зарплаты, но только тогда, когда рабочим и их семьям буквально нечего есть. Ткачи в Иваново забастовали в 1970 году, когда в город перестали привозить продовольствие. Как сообщает Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР, в мае 1976 года в Риге были арестованы, а в августе приговорены к лишению свободы на сроки от полутора до трех лет четверо портовых рабочих после забастовки, вызванной отсутствием мяса в магазинах. Советский Союз подписал разные международные конвенции, признающие право рабочих на забастовку, однако не потрудился сформулировать это право в своем законодательстве. Более того, забастовка рассматривается как "грубое групповое нарушение общественного порядка", за которое можно лишиться свободы на срок до трех лет. Это за сугубо мирную забастовку — просто за отказ от работы. А такие способы борьбы, как захват предприятия, пикетирование, наказываются по статье "массовые беспорядки" лишением свободы до 15 лет или смертной казнью.

У вас, на Западе, решение о забастовке обычно принимает профсоюз. В Советском Союзе это непредставимо. Советские профсоюзы не защищают рабочих от голода, произвола, эксплуатации. Профсоюзы в СССР — это часть партийно-государственной машины, которая ставит своей задачей не защиту интересов трудящихся, а только выполнение партийно-государственных заданий. Даже Верховный Суд, исследовав практику судебных дел о незаконных увольнениях, вынужден был указать, что профсоюзные организации не соблюдают трудового законодательства и недостаточно активно выступают в защиту трудящихся. Жалобы трудящихся в профсоюзные органы передаются этими органами в КГБ. В приговоре суда по политическому делу шофера грузовика Владимира Павлова (Майкоп, 1971) его жалоба в областной совет профсоюзов фигурирует как вещественное доказательство его вины. Чему тут удивляться, если даже председателем советских профсоюзов на протяжении десятка лет был бывший председатель КГБ?

Фиктивные советские профсоюзы существуют для того,

чтобы не могло возникнуть рабочее движение. Первая статья Советской Конституции гласит: "Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян". И каждый рабочий протест рассматривается как выступление против интересов трудящихся. Одесский рабочий Леонид Серый в письме, адресованном главам западных государств и Комитету прав человека ООН, пишет: "Людей, защищающих право рабочих на забастовку и всякие протесты, — сажают в психбольницы. Людей, поддерживающих высказывания Солженицына, Сахарова, — ловят на улицах и судят как будто за хулиганство. Я сам свидетель такого безобразия. Видя все это и ощущая на себе, мы уверились в том, что у нас человек труда не имеет права на протесты; профсоюзы наши также не имеют прав и не пытаются их иметь".

В этом письме, переданном на Запад как приложение к одному из документов советской Группы — Хельсинки, дана очень конкретная картина материальных лишений и произвола, на которые обречены рабочие и их семьи. Высококвалифицированный токарь Леонид Серый лишен возможности повысить свой заработок: стремясь сохранить свыше установленные лимиты заработной платы, администрация фальсифицирует время и количество его труда. Его семья (жена и шесть детей) живет впроголодь. Если в Риге рабочие бастовали из-за отсутствия мяса, то Серый пишет: "Мясо в магазине бывает очень редко, да мы за свою жизнь если и взяли раза 4-5, не больше. Так что хоть оно есть, хоть нет, нас не беспокоит". При официально определенном прожиточном минимуме в 70 руб. на человека, семья Серого получает — вместе со всеми прибавками на детей — около 230 руб. в месяц. "Масло берем на месяц 1 кг. ...Одежду носим почти всю с чужого плеча. ... Дети в школу, а я на работу идем, не завтракая. ... Ни мебели, ни холодильника у нас нет. Не хватает одеял." Не получив на свои жалобы и протесты никакого ответа, кроме угроз и издевательств, Леонид Серый предпринимает теперь безуспешные попытки эмигрировать в США или Канаду.

Рабочий-электрик Валентин Иванов из поселка Ермолино Калужской области в ноябре 1976 года обратился к Вам, г-н Мини, также прося содействия в выезде из Советского Союза. В своем заявлении в Президиум Верховного Совета, объясняя

причины, толкающие его на эмиграцию, Валентин Иванов пишет, в частности: "Низкий уровень заработной платы. Я могу сказать с полной ответственностью, что лучшие свои годы проработал за кусок хлеба. Полная незащищенность рабочего от произвола администрации из-за отсутствия свободных профсоюзов. Так, например, в сентябре 1974 года меня заставили отработать в субботу и в воскресенье 20 часов и не заплатили ничего. Профсоюз, куда я обратился с жалобой, принял сторону администрации. Таких примеров можно привести десятки."

Украинский рабочий Иван Сивак пишет: "Я уже тридцать лет живу в Советском Союзе, не живу, а существую. За эти тридцать лет мало что изменилось в жизни рабочего. Я живу в нищете и нужде. Зарплаты еле-еле на пропитание хватает. Кроме того, везде в Советском Союзе нет правды, нет свободы. Во всех сферах жизни ограничения. Везде и всюду человек чувствует себя невольником".

Так чувствуют, так мыслят миллионы советских рабочих, лишенных права голоса, затерроризированных карательными органами. Но процесс духовного раскрепощения людей захватывает все новые и новые слои, и уже не одни академики и писатели становятся выразителями общественных настроений. Мы присутствуем при начале процесса, который приведет нас к свободе, — процесса осознания трудящимися своих прав и человеческого достоинства. Теперь от вашей позиции, от вашей солидарности и поддержки будет зависеть судьба наших народов — и не только в Советском Союзе, но и в Восточной Европе. От кого же и ждать поддержки советским трудящимся, как не от их братьев на Западе?

Десятилетиями мы смотрим с надеждой на Запад, ожидая помощи от свободных наций, верных демократическим принципам. Что же мы видим? Вам лучше, чем мне, известно, что крупнейшие стройки сталинских пятилеток, на которых всюю использовался рабский труд заключенных, созданы с применением западной, прежде всего — американской, техники и технологии. Каждый раз, когда нежизнеспособная советская экономика испытывает нужду в переоснащении и поддержке, западные страны с готовностью приходят ей на помощь. Не народу приходят на помощь, а тоталитарному режиму.

В марте 1970 года академик Сахаров и другие участники

гражданско-правового движения в СССР обратились к советскому правительству, указывая, что советское отставание в области автоматизации и компьютеризации промышленности преодолимо только в атмосфере свободы, при свободе творческого поиска и научного исследования. На это предупреждение западный деловой мир ответил увеличением поставки компьютеров в Советский Союз.

Символическим для меня является тот факт, что я был выдворен из Советского Союза в наручниках американского производства, с надписью "Сделано в США". Такие наручники широко применяются в тюрьмах и лагерях СССР. Агенты КГБ устанавливают в квартирах советских защитников прав человека подслушивающие устройства западного производства. В Москве устраиваются выставки западного полицейского оборудования. Это только примеры, не более чем символы – в конечном итоге любая экономическая помощь Советскому Союзу и восточноевропейским странам, не обусловленная определенными и строго выполняемыми требованиями, служит только укреплению этой тюрьмы народов, известной под красноречивым названием "социалистического лагеря".

Интегральной частью советской экономики является бесплатный, рабский, принудительный труд трех миллионов заключенных. Эти заключенные используются на самых разных производствах, продукты их труда нередко включаются в общий поток советского экспорта. Байкало-Амурская магистраль, железная дорога стратегического значения, строится на японские деньги и рабским трудом заключенных. У нас в концлагере на Урале на заводе, куда нас гоняли работать, стоял старый фрезерный станок "Цинцинатти". На этом станке, ветхом, с обломанными ручками, залатанном пластырем, с 30-х годов работали целые поколения эзков. Вот символ "конвергенции" американской технологии и советского рабства.

Кажется, мы ушли далеко от времен рабовладельчества, но даже международные конвенции, направленные *против* рабского труда, с оговорками признают возможность его использования. Кому же, как не трудящимся, как не свободным организациям трудящихся добиваться пересмотра этих конвенций?

Вопрос здесь не только в солидарности, но и в обоюдном

интересе. Так, западные капиталовложения в СССР, рассчитанные на эксплуатацию дешевой рабочей силы, наносят прямой вред интересам рабочих Запада. Я уверен, что американские профсоюзы по меньшей мере *имеют право* исследовать все случаи вложения американского капитала в СССР, условия труда и заработной платы в сферах приложения американского капитала и не позволять наживаться на бесправии советских рабочих.

Специфика социалистических стран такова, что рабочая проблема не может быть разрешена в отрыве от гражданско-правовых проблем. Наиболее ярко это показали недавние события в Польше, где рабочее движение гораздо более сильно и зрело, чем в Советском Союзе. Но и у нас первые ростки этого движения связаны с общей борьбой за права человека. Поэтому нельзя защитить интересы советских рабочих, не защищая советское движение за гражданские права и его участников. Арест участников московской и украинской Групп — Хельсинки Юрия Орлова, Александра Гинзбурга, Миколы Руденко и Олеса Тихого наносит удар и зарождающемуся рабочему движению.

Я вижу, что сейчас не только западная общественность, но и государственные деятели, прежде всего — президент Картер и его администрация, начинают занимать твердую нравственную позицию по отношению к нарушениям прав человека в Советском Союзе. Я могу это только приветствовать. Но я знаю, что уже раздаются голоса против этой позиции, уже высказываются опасения, что советское руководство ответит и отвечает на эту твердость — жестокостью, репрессиями и что, может быть, лучше не сердить Советский Союз, а вернуться к практике уступок и закулисных переговоров. А Советский Союз, действительно, сейчас изо всех сил старается доказать, что он пренебрегает всеми западными протестами и не ослабит репрессий. В этот момент самое главное — запастись терпением, не опускать рук, не ждать скорых и немедленных результатов. Именно такой представляется мне позиция президента Картера, и я надеюсь, что американские профсоюзы, обладающие большим опытом защиты прав человека в СССР, поддержат президента в его нравственно-политических действиях.

Я хотел бы также, чтобы американские профсоюзы продолжа-

ли выдвигать Гражданско-правовую проблематику социалистических стран в своих контактах с другими профсоюзами свободного мира. Международное рабочее движение могло бы оказать серьезную помощь советским трудящимся и защитникам прав человека в СССР как путем непосредственной поддержки и солидарности, так и воздействием на своих политиков и государственных деятелей.

**ПОКАЗАНИЯ В "ХЕЛЬСИНКСКОЙ КОМИССИИ"
КОНГРЕССА США**

За десятилетия существования советской власти было заключено достаточно много международных соглашений о необходимости соблюдения гражданских прав. Я не собираюсь сейчас детально анализировать достоинства и недостатки каждого из них, но хочу отметить, что существенным является не качество самих договоров, а то, насколько западные страны готовы настаивать на их исполнении. Последнее в ряду этих соглашений — Заключительный акт Совещания по европейской безопасности и сотрудничеству, несмотря на все свои очевидные недостатки, содержит ряд пунктов, обязывающих всех, кто подписал этот акт, в том числе Советский Союз и восточноевропейские страны, уважать права своих граждан. Однако с самого начала Советский Союз не собирался исполнять этой части соглашения, пытаясь отгородиться от своих обязательств ссылкой на свои суверенные права.

Отношение Советского Союза к Западу, следовательно — к сотрудничеству с Западом, легко продемонстрировать на примере ст. 64 УК РСФСР (и соответствующих статей УК всех союзных республик). Согласно этой статье, любой гражданин СССР, попытавшийся бежать из Советского Союза или отказавшийся вернуться в него, считается изменником и приравнивается к дезертиру, бежавшему на сторону врага. Такой человек может быть наказан лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет или смертной казнью. О каком мирном сотрудничестве и разрядке напряженности может идти речь, если Советский Союз продолжает нагнетать в умах собственных граждан враждебность к европейским странам и Соединенным Штатам Америки, считая себя вправе сохранять внутри страны климат холодной войны? Очевидно, что Советский Союз и в мыслях не имеет приводить свое внутреннее законодательство в соответствие с международными соглашениями, не говоря уже о том, чтобы допустить мирное сосуществование идеологий.

Десятки моих союзников продолжают находиться в тюрь-

мах и лагерях СССР только за то, что пытались покинуть СССР или, покинув его, добровольно возвратились. Владимир Балахонov, сотрудник ООН, попросивший в 1973 году политического убежища в Швейцарии, добровольно вернулся в Советский Союз, получив заверение советского консула о том, что он не подвергнется репрессиям. Осужден на 12 лет, находится во Владимирской тюрьме. Василий Федоренко за попытку перехода советско-чехословацкой границы получил 15 лет, находится во Владимирской тюрьме на особом режиме, уже более года голодает, протестуя против незаконного приговора. Ничего не известно о судьбе летчика Зосимова, выданного Ираном советским карательным органам. Все еще находятся в заключении 12 евреев, осужденных по известному "самолетному делу" на сроки от 8 до 15 лет. Между тем, заслугой этих людей является то, что они первые привлекли внимание мировой общественности и западных правительств к проблеме выезда из СССР. Но и сейчас эту проблему нельзя считать решенной. Люди, желающие выехать, подвергаются гонениям, вплоть до судебных преследований. Например, за попытку осуществить свое право выезда сослан в Сибирь Анатолий Марченко. Даже после Хельсинкского соглашения, прямо предусматривающего воссоединение семей, Иду Нудель не выпускают к сестре в Израиль и угрожают ей судебным и психиатрическим преследованиями. По сведениям московской Группы — Хельсинки, после подписания Заключительного акта возможности выезда резко ухудшились: эмиграцию ограничивают только случаями узко понимаемого воссоединения семей. Совсем не затронута проблема въезда в СССР тех, кто из него уехал. Каждый, кто решает для себя проблему выезда, решает ее раз и навсегда, без всякой надежды на возвращение. Таким образом, практически он должен решиться стать беженцем.

По той же ст. 64 рассматривается как измена родине попытка представителей разных народов СССР осуществить или даже *обсудить* свое право на национальное самоопределение, предусмотренное Советской Конституцией. Пункт 8 ч. 1 Заключительного акта говорит о праве каждого народа определять свой внешний и внутренний политический статус в условиях полной свободы. Однако народы, населяющие СССР, никогда не имели не только условий полной свободы, но какой-либо реальной

возможности самоопределения. Свидетельствую, что в тюрьмах и лагерях все еще находятся сотни людей, осужденных в послевоенный период за участие в национально-освободительных движениях на Украине и в прибалтийских странах.

В 60-70-е годы десятки людей были осуждены за так называемый буржуазный национализм, то есть за участие в обсуждении перспектив национального самоопределения или даже культурного возрождения своих народов. Не имея возможности перечислить всех, назову только тех, кто *неоднократно* лишился свободы за "буржуазный национализм" и в настоящее время находится в тюрьме или в лагере. Это армянский поэт Паруйр Айрикян, украинцы историк Валентин Мороз, лингвист Святослав Караванский, педагог Данило Шумук, историк Иван Гель, поэт Михайло Осадчий, писатель Вячеслав Чорновил. Юрий Шухевич с 15-летнего возраста всего четыре года пробыл на свободе. В последний раз он осужден в 1972 году за книгу воспоминаний на 5 лет тюрьмы, 5 лет концлагеря особого режима и 5 лет ссылки. В Днепропетровской психиатрической тюрьме на принудительном бессрочном "лечении" находится украинский поэт Анатолий Лупинос, ранее отсидевший 10 лет в лагере.

Целым народам, депортированным в сталинские времена, запрещено вернуться на свою родину: это крымские татары, месхи, немцы Поволжья. Если немцы сейчас добиваются эмиграции в Западную Германию, испытывая обычные трудности проблемы выезда (аресты, преследования, издевательства), то крымские татары, изгнанные из Крыма, и месхи, изгнанные из Грузии, лишены свободы выбора места жительства внутри самого Советского Союза и подвергаются тем же жестоким преследованиям. В четвертый раз лишен свободы активист крымско-татарского движения Мустафа Джемилев, жизнь которого после длительных голодовок находится под угрозой.

В настоящий момент движения за национальные права неотделимы от общего движения за права человека. Как участник этого движения, я хотел бы свидетельствовать, что в наши традиции всегда входило требование соблюдения законности. Самиздат, мирные демонстрации, петиции протеста были и продолжают быть практическим осуществлением конституционных свобод. Наш информационный журнал "Хроника текущих со-

бытий”, основанный в 1968 году, имеет эпитафией текст ст. 19 Всеобщей декларации прав человека. В том же 1968 году были собраны подписи под обращением в Верховный Совет СССР с предложением ратифицировать Пакты о гражданских и политических правах. На наши конституционные действия отвечали репрессиями, квалифицируя их как антисоветскую пропаганду, клевету на советский строй или как нарушения общественно-го порядка. Подписные листы обращения о Пактах были изъяты на обыске. Неоднократно на обысках (а в местах заключения – всегда и до сих пор) конфисковывали сам текст Декларации прав человека. В целом ряде приговоров как преступление рассматривалось участие в составлении и распространении ”Хроники текущих событий”.

Сотни людей были лишены свободы за участие в этом движении, за свои взгляды и убеждения. Советские карательные органы и пропаганда отрицают наличие в Советском Союзе преследований за убеждения; согласно официальным заявлениям, у нас никого не сажают за взгляды – только за действия. При этом под преступным действием понимают *высказывание* своих взглядов. Между тем, ст. 19 Декларации прав человека не отделяет права иметь любые взгляды и убеждения от права их высказывать. Александр Чекалин, рабочий-монтажник, был осужден в 1971 году на 5 лет концлагерей только за то, что сделал надпись на избирательном бюллетене во время так называемых тайных выборов в Верховный Совет. В этой надписи он выразил лишь свое мнение о советской избирательной процедуре. Десятки людей были осуждены только за то, что обращались с жалобами в высшие органы страны и в международные организации. Заслуженный учитель Молдавской ССР Яков Сусленский, чудом доживший до конца семилетнего срока и освободившийся из Владимирской тюрьмы в январе этого года, был осужден за письмо Генеральному Секретарю ООН, перлюстрированное органами КГБ.

Подобная практика принуждает людей к лицемерию, учит думать одно, а говорить другое, насилует их совесть.

Еще более преступным действием считается осуществление предусмотренного той же ст. 19 права получать и распространять информацию любыми средствами, независимо от государственных границ. В 1971 году я был арестован и осужден на 7 лет

концлагерей и 5 лет ссылки только за то, что открыто, не таясь, рассказал корреспондентам Ассошиэйтед Пресс и Си-Би-Эс в Москве о том, что видел в тюрьмах, лагерях и сумасшедших домах. Во время так называемого суда, длившегося всего несколько часов, в качестве улики мне были предъявлены вырезки из американских газет с моим интервью и показан телевизионный фильм Си-Би-Эс с моим выступлением. Никто из судей не знал английского языка, тем не менее суд отклонил мое ходатайство о зачитании перевода в ходе судебного процесса. Они сказали, что суду и так все ясно. Свидетельствую, что более чем за месяц до судебного разбирательства и приговора следователь КГБ сообщил мне срок моего заключения.

За распространение информационных изданий о нарушении прав человека в Советском Союзе: "Хроники текущих событий" и "Хроники Литовской Католической Церкви", "Украинского Вестника" находятся в концлагерях и тюрьмах Нийоле Садунайте, Сергей Ковалев, Вячеслав Чорновил, Габриэль Суперфин.

Что касается права *получать* информацию, то, очень ограниченное для живущих на свободе, оно почти полностью подавляется в лагере или в тюрьме. Ст. 25 Исправительно-трудового кодекса прямо запрещает заключенным получать какие бы то ни было издания, напечатанные за пределами Советского Союза. Политзаключенный Владимирской тюрьмы Николай Будулак-Шарыгин не получил ни одного номера английской коммунистической газеты "Морнинг Стар", которую высылала ему редакция по заказу его жены-англичанки. Даже журнал "Курьер ЮНЕСКО", русский вариант которого издается в Москве, запрещен во Владимирской тюрьме.

Нарушение права получать и распространять информацию проявляется и в отношении личной переписки. Из десятков тысяч открыток, отправленных мне, как я теперь узнал, из-за рубежа, — я получил за время моего заключения *три*. Месяцами мне не отдавали писем от матери, а то малое число писем, которое я мог писать из тюрьмы (одно письмо раз в месяц или раз в два месяца), постоянно конфисковывалось под разными предлогами. Семь политзаключенных Владимирской тюрьмы в конце концов были вынуждены вообще отказаться от переписки.

Чудовищным преступлением является советская система

исправительно-трудового перевоспитания политзаключенных, использующая наказание голодом, одиночным заключением, лишением медицинского обслуживания — и все это в целях насильственного изменения религиозных, политических и национальных убеждений.

Вот это все и является теми внутренними делами Советского Союза, в которые он не позволяет вмешиваться, которые он защищает своим суверенитетом. И нередко Запад принимает эту советскую точку зрения на вмешательство в его внутренние дела.

Можно с уверенностью сказать, что советское руководство никогда не собиралось соблюдать ни Всеобщую декларацию прав человека, ни Пакты о гражданских и политических правах, ни третью корзину Хельсинкского соглашения — и не будет их выполнять, если западные государства и общества не будут настойчиво и последовательно добиваться этого выполнения. Для меня совершенно очевидно, что все эти международные документы невыполнимы, пока Советский Союз не приведет свое внутреннее законодательство и практику в соответствие с вышеуказанными международными договорами.

Совсем недавно Советский Союз бросил откровенный вызов вам, объявив преступлением контроль за исполнением Хельсинкских соглашений. Арестованы председатели московской и украинской Групп — Хельсинки Юрий Орлов и Микола Руденко и члены этих групп бывшие политзаключенные Александр Гинзбург и Олесь Тихий. От реакции западных стран будет зависеть судьба этих людей и судьба Хельсинкского соглашения: сумеет ли мир отстоять свое понимание свобод или он усвоит принципы "социалистической демократии"?

Для защиты основных свобод и для поддержки гражданско-правовых, национальных и религиозных движений в СССР необходимо:

- добиваться расследования нарушений этих свобод в Комиссии прав человека ООН в ЮНЕСКО, на предстоящей Белградской конференции;
- требовать допуска наблюдателей в советские политические лагеря и тюрьмы, на политические процессы;
- осуществлять свободный контакт западных Групп — Хельсинки с московской, украинской, литовской группами, вклю-

чая требование встреч с арестованными членами групп;

— и, наконец, поставить торгово-экономические взаимоотношения в зависимость от выполнения гражданско-правовых договоров. Ясно, что страна, не выполняющая одни соглашения, легко нарушит и другие.

Но я хотел бы самым серьезным образом предупредить, что западная общественность, парламенты, правительства должны запастись терпением. Запад слишком нетерпелив: после нескольких демаршей, оставшихся без результата, вы легко можете опустить руки и отчаяться. А Советский Союз, зная Запад, безусловно рассчитывает на подобную реакцию и, как показывают недавние аресты, будет демонстрировать твердую линию. И снова может возобладать точка зрения: "советских руководителей лучше не сердить" — на что они и рассчитывают. Надо понять, что новая волна репрессий в Советском Союзе демонстрирует не силу, а страх Советского Союза перед лицом растущего Сопротивления внутри и международной солидарности с ним, тем более что одновременно происходит небывалый рост Сопротивления во всех восточноевропейских странах.

Я не побоюсь сказать, что от поведения западных стран в развертывающемся кризисе зависит судьба мира, по крайней мере, на ближайшее десятилетие. Твердая, устойчивая и постоянная позиция Запада заставит Советский Союз признавать политические реальности.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ: ХАРТИЯ 77

13 октября 1976 года в Своде законов ЧССР (№ 120) были опубликованы "Международный пакт о гражданских и политических правах" и "Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах". Представители нашей республики подписали эти пакты в 1968 году, в 1975 году подтвердили их в Хельсинки; а в нашей стране эти пакты вступили в силу 23 марта 1976 года. Тем самым наши граждане имеют право, а наше государство обязано руководствоваться ими. Признаваемые этими пактами свободы и права человека являются важнейшими ценностями цивилизации, к достижению которых стремились самые прогрессивные силы истории; кодификация этих свобод и прав может внести большой вклад в гуманное развитие нашего общества. И мы приветствуем присоединение Чехословацкой Социалистической Республики к этим пактам.

Но наряду с этим публикация упомянутых двух пактов нам снова и снова напоминает, что многие основные права человека в нашей стране пока еще, к сожалению, существуют только на бумаге. Совершенно иллюзорным, например, является право "беспрепятственно придерживаться своих мнений", право, гарантированное статьей 19 первого из упомянутых пактов.

Десятки тысяч граждан не могут работать по специальности только потому, что они придерживаются взглядов, отличающихся от официальных. Более того, эти граждане часто становятся объектом различных форм дискриминации и притеснений со стороны учреждений и общественных организаций; они лишены возможности защищаться и на деле становятся жертвами апартеида. Сотни тысяч граждан не могут "освободиться от страха" (о чем говорится в преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах), так как они живут в условиях постоянной опасности потерять рабо-

ту, если выскажут свои мнения вслух.

В противоречии со статьей 13 второго пакта (об экономических, социальных и культурных правах), которая признает за всеми право на образование, огромное количество молодых людей лишено возможности учиться, и не только из-за своих взглядов, но часто и из-за взглядов родителей. Многие граждане живут в страхе, понимая, что, защищая свои убеждения, они лишают себя или своих детей права на образование. Осуществление первого пакта, которое говорит о "свободе искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения" (статья 19, пункт 2 первого пакта), преследуется не только вне рамок судебного разбирательства, но и судом — часто под маской уголовного обвинения (о чем свидетельствуют процессы молодых музыкантов).

Свобода публично выражать собственные взгляды подавляется центральным управлением всех средств массовой информации, культурными организациями и издательствами. Не могут быть опубликованы философские, политические или научные работы, не может состояться художественное выступление, которые выходили бы за тесные рамки официальной идеологии или эстетики; невозможна открытая критика кризисных явлений общества; исключена возможность открытой защиты против ложных и оскорбительных обвинений со стороны официальной пропаганды (предусмотренная законом защита от "посягательств на честь и репутацию", которая гарантируется 17 статьей первого пакта, на практике не существует); нет никакой возможности опровергнуть лживые обвинения, и каждая попытка добиться помощи или опровержения посредством суда оказывается безрезультатной; в области духовного и культурного творчества совершенно исключена открытая дискуссия. Многие деятели культуры и науки, как и другие граждане, подвергаются дискриминации только потому, что несколько лет тому назад опубликовали или открыто высказали взгляды, которые осуждаются ныне правящей политической властью.

Свобода мысли, совести и религии, гарантированная статьей 18 Международного пакта о гражданских и политических пра-

вах, систематически ограничивается произволом власти: деятельность духовенства сведена до минимума; над духовенством висит постоянная угроза запрета со стороны государства отправлять религиозную деятельность. Лица, которые устно или посредством своих действий заявляют о своей религиозности, лишаются средств к существованию или подвергаются другого рода репрессиям; запрещается изучение Закона Божьего и т.д.

Инструментом ограничения, а часто и абсолютного подавления ряда гражданских прав является система подчинения всех институтов и организаций государства аппарату правящей партии и постановлениям обладающих властью лиц. Содержание и форма проведения подобных постановлений в жизнь не предусматриваются соответствующими постулатами Конституции и другими законами и юридическими нормами чехословацкого государства. Как правило, такие постановления принимаются за кулисами, часто в устной форме, гражданам они в большинстве своем не известны и ими не контролируются. Авторы таких решений не несут никакой ответственности перед обществом; они ответственны только перед самими собой и перед партийной иерархией. Но именно такие решения оказывают решающее влияние на деятельность законодательных и исполнительных органов государственного управления, суда, следствия и прокуратуры, профсоюзных и других общественных организаций, других политических партий, предприятий, институтов, учреждений, учебных заведений и т.д.; причем приказы партийных органов имеют больший вес, чем сам закон.

Когда какая-либо организация или гражданин, действуя на основании своих прав и обязанностей, оказывается в конфликте с директивами, они не могут обратиться в неподвзятую инстанцию — такой инстанции просто не существует. Все это серьезно ограничивает как права граждан, вытекающие из статей 21 и 22 первого пакта (свобода собраний и запрещение ограничивать эту свободу), так и права, вытекающие из статьи 25 (равное право всех граждан принимать участие в ведении государственных дел) и из статьи 26 (равенство всех людей перед законом).

Такое положение не позволяет рабочим и трудящимся создавать профсоюзные организации и другие ассоциации для за-

щиты своих экономических и социальных интересов и свободно осуществлять право на забастовку (первый пункт статьи восьмой второго пакта).

Другие гражданские права, в том числе и безоговорочный запрет "произвольного и незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь и произвольного и незаконного посягательства на неприкосновенность жилища или тайну корреспонденции" (статья 17 первого пакта), серьезно нарушаются тем, что Министерство внутренних дел всевозможным образом контролирует жизнь граждан, устанавливая аппараты для подслушивания разговоров по телефону и в квартире, перлюстрируя корреспонденцию, наблюдая за гражданами, проводя обыски в квартире и организовывая сеть информаторов (причем эти информаторы привлекаются к сотрудничеству недоукомплектованными угрозами или наоборот — обещаниями) и т.д.

Министерство внутренних дел часто вмешивается в решения работодателей, поощряет дискриминацию граждан со стороны учреждений и организаций, оказывает влияние на органы правосудия и направляет пропагандистские кампании и деятельность средств массовой информации. Такого рода деятельность не предусмотрена законом, она осуществляется тайно, и гражданин не в состоянии защититься от нее.

В случаях политически мотивированного преследования следственные и судебные органы нарушают права обвиняемых и их защиты, гарантированные 14 статьей первого пакта и чехословацкими законами. Обращение в тюрьмах с осужденными по политическим статьям оскорбляет человеческое достоинство, угрожает здоровью заключенных и стремится сломить их морально.

Повсеместно нарушается и 2-й пункт 12 статьи первого пакта, гарантирующий гражданам право свободно покидать любую страну. Под предлогом "защиты государственной безопасности" (пункт третий) это право отрицается под самыми бессмысленными предлогами. Произвол также наблюдается при предоставлении въездных виз в Чехословакию гражданам иностранных государств; многие из них не могут посетить Чехословакию только потому, что в прошлом они по работе или лично были связаны с теми, кто в настоящее время подвергается дискриминации.

Некоторые граждане – на работе, в узком кругу или открыто (что можно сделать лишь в иностранной печати) – обращают внимание на систематическое нарушение прав человека и демократических свобод, а в конкретных случаях требуют восстановления справедливости. Но они не только не находят официальной поддержки, а напротив – сами становятся объектом расследования.

Ответственность за соблюдение гражданских прав лежит, естественно, прежде всего на политической и государственной власти. Но не только на ней. Определенную долю ответственности за существующее положение несет каждый гражданин, и тем самым он несет ответственность и за соблюдение кодифицированных пактов, обязывающих не только правительство, но и граждан. Чувство общей ответственности, вера в смысл гражданской активности, стремление принять участие в общественной жизни, как и общее желание найти для этого новое, действенное средство привели нас к мысли учредить ХАРТИЮ 77. Этим документом мы и заявляем о ее создании.

ХАРТИЯ 77 – это свободное, неформальное и открытое объединение людей самых разных убеждений, разных вероисповеданий и разных профессий, людей, объединенных общим желанием индивидуально (или коллективно) выступать за уважение гражданских прав и прав человека в нашей стране, тех прав, которые признаются за людьми обоими кодифицированными международными пактами, Заключительным Актом совещания в Хельсинки и множеством других международных документов, направленных против войны, против применения насилия, против социального и духовного гнета; прав, которые в обобщенной форме Всеобщей декларации прав человека были сформулированы Организацией Объединенных Наций.

ХАРТИЯ 77 стоит на платформе солидарности и дружбы людей, объединенных опасениями за судьбу тех идеалов, с которыми они связали и связывают свою жизнь и свой труд.

ХАРТИЯ 77 – не организация, у нее нет устава, нет организованного членства, нет постоянных органов. К ней относится каждый, кто согласен с идеями ХАРТИИ, принимает участие в ее деятельности и поддерживает эту деятельность.

ХАРТИЯ 77 — не является базой оппозиционной политической деятельности. Она стремится служить общественным интересам, как им служит множество подобных инициативных движений граждан в разных странах Востока и Запада. ХАРТИЯ не предусматривает выработку собственных программ политических или общественных реформ или изменений; в рамках своей деятельности она намерена вести конструктивный диалог с политической и государственной властью и прежде всего — обращать внимание на конкретные случаи нарушения гражданских прав и прав человека, собирать материалы о таких случаях, вносить предложения по соблюдению этих прав, по гарантии их и быть посредником в тех конфликтах, которые возникли в результате нарушения гражданских прав.

Символическое название ХАРТИИ 77 подчеркивает, что учреждена она была в начале года — года, провозглашенного годом защиты прав политических заключенных, года Белградской конференции, которой предстоит рассмотреть выполнение принятых в Хельсинки обязательств.

Мы, подписавшие этот манифест, уполномочиваем д-ра Иржи Гайека, д-ра Вацлава Гавла и д-ра Яна Патоčku быть представителями ХАРТИИ 77 перед государственными и другими организациями, а также перед мировой общественностью; их подписи будут подтверждать подлинность документов ХАРТИИ 77. В нас, подписавшихся, как и в других гражданах, которые к нам присоединятся в будущем, они найдут сотрудников, которые вместе с ними будут участвовать в необходимых действиях, выполнять отдельные поручения и разделять общую ответственность.

Мы верим, что ХАРТИЯ 77 будет способствовать тому, чтобы все граждане Чехословакии могли трудиться и жить, как свободные люди.

Прага, 1 января 1977 года

Более 400 подписей

В ПОДДЕРЖКУ "ХАРТИИ-77"

Гуманизация общества стала самой важной и неотложной задачей в социалистических странах. Этот неизбежный, но трудный процесс тормозится инерцией произвола и безответственности сверху и страха снизу. Поэтому как нельзя больше ко времени пришлось публикация прекрасно аргументированной "Хартии-77".

Хартия не затрагивает политических и социальных основ государства. Все требования и предложения Хартии содержатся в конституции, и речь идет лишь о том, чтобы эти статьи конституции действительно проводились в жизнь. Реализация таких элементарных прав, как право на независимый от администрации суд, свобода передвижения, свобода убеждений и их выражения, свобода защищать свои профессиональные интересы укрепляет государство, а не расшатывает его (если только не отождествлять государство с отдельной группой лиц).

"Хартия-77" полностью соответствует духу и букве Всеобщей декларации прав человека ООН, Пактов о правах человека и Заключительного Акта совещания в Хельсинки, поэтому нападки властей на "Хартию-77" и преследования подписавших ее лиц являются по сути саморазоблачением самих властей.

Мы считаем "Хартию-77" выдающимся гуманитарным документом, выражаем полное согласие с ней и солидаризируемся с ее авторами и всеми ее подписавшими.

Профессор Мейман, С. Каллистратова, П. Григоренко, И. Каплун, Евг. Грицяк, Вяч. Бахмин, Ида Нудель, Марк Морозов, Аркадий Май, Ф. Кандель, Римма Якир, Сергей Генкин, Л. Алексеева, А. Лавут, М. Ланда, И. Якир, Петр Винс, Дина Бейлина, Борис Чернобыльский, Аркадий Полищук, Валерий Румянцев, Эрнст Аксельрод, Евг. Якир, Вал. Машкова, А. Щаранский, Т. Великанова, Л. Богораз, В. Турчин, Ю. Мных, Иосиф Бейлин, Владимир Корнилов, Ю. Закс, Л. Регельсон, Юрий Гольфанд, Лев Улановский, Вал. Волисская, Кронид Любарский, Олег Воробьев, Валентина Сирая, профессор Яков Альперт, академик Андрей Сахаров, Елена Боннэр, Ефрем Янкевич, Татьяна Семенова, Лев Гендин, Александр Лернер, Исай и Григорий Гольдштейны, священник Сергей Желудков, Владимир Слепак, Нина Строкатова, Т. Баева, Леонид Сирый, Валерия Исакова, Илья Левин, Татьяна Осипова, Сергей Левин, Людмила Карасевич, З. Григоренко, Галина Салова, Вс. Родионов, профессор Марк Азбель.

ПОЛЬСКАЯ ОППОЗИЦИЯ

в 1976 г.

24 июня 1976 года премьер-министр Ярошевич заявил в польском сейме (парламенте), что партия и правительство приняли решение повысить цены на продукты питания на 30—100%. Утром 25 июня на большинстве польских предприятий вспыхнули забастовки. Мы опишем эти и последующие события, приводя пространные выдержки из материалов польского самиздата.

”Польские рабочие ответили на это стихийным отказом от работы, — писал Яцек Куронь* в открытом письме к Берлингуэру, — и во многих городах произошли уличные демонстрации. Во время одной из этих демонстраций около девяти часов вечера 25 июня рабочие расположенного на окраине Варшавы завода ”Урсус” захватили железнодорожные пути и остановили движение поездов. Днем они разобрали пути, и один локомотив сошел с рельсов. В Радоме произошло многочасовое сражение между рабочими и отрядами милиции.

Во время этого столкновения было сожжено здание комитета партии; были воздвигнуты баррикады. Под давлением протестов со стороны рабочих власти отменили повышение цен.”

Репрессии против забастовщиков начались немедленно.

”В поступающих из тюрем и залов суда сообщениях неоднократно указывается на пытки во время следствия. (...) Кроме того, всем известно, что тысячи подозреваемых в участии в демонстрации рабочих были уволены с работы. Семеро рабочих с ”Урсуса” были осуждены за ”хулиганство” на сроки, дости-

* Арестован впервые в 1964 г. за написание (вместе с К. Модзелевским) ”Открытого письма к партии”. Приговорен к трем годам лишения свободы. В 1969 году осужден на три с половиной года за участие в студенческих демонстрациях 1968 года.

гающие пяти лет тюремного заключения (...). В Радоме приговоры достигали десяти лет (...). Мы призываем: помогите польским рабочим (...). Мы также обращаемся ко всем, кто выступает за демократический социализм, ко всем, кто поднял голос против репрессий в Чили, Испании, Чехословакии, Советском Союзе (...)"

Это обращение к интеллигентам Запада (Сартру, Мальро, Ионеско, Беллоу и другим) было послано в начале июля тринадцатью польскими интеллигентами, в том числе писателями Брандысом, Бохенским, Киевским, Киселевским, Новаковским, Стрыйковским и актрисой Миколайской. Один из подписавших этот документ, восьмидесятишестилетний экономист Эдвард Липиньский еще в апреле послал Гереку открытое письмо, в котором подверг критике партийную линию, в особенности пресмыкательство перед Советским Союзом, однопартийную систему и вытекающие из этого репрессии. Он заканчивал словами: "Состояние Польши в данный момент весьма тяжелое. У нас огромные экономические затруднения (...). Наш политический строй анахроничен: он не допускает разумного подбора кадров, плодит посредственность, не дает никакой свободы творчества в областях науки и культуры и обезкураживает население, которое не имеет никакого влияния на жизнь страны. Мы находимся в зависимости от сопредельной державы и расплачиваемся за последствия этого. Нужны коренные перемены. Если их не будет, нам не удастся избежать трагедии, ибо произойдут массовые волнения или возврат к сталинским методам (...)."

Липиньский и другие лица, имена которых появились под заявлениями и воззваниями в защиту рабочих, за последние годы подписали большое число открытых писем и заявлений. Появившееся осенью 1975 года заявление 59-ти, протестующее против изменений в конституции страны, вызвало целый поток писем протеста по всей Польше. На партсобраниях власти признали, что ими получено более 40 тысяч писем с протестами против включения в конституцию пункта о "вечной дружбе с Советским Союзом". В конце концов предложенные партией изменения были сделаны в другой форме.

До июньских волнений 1976 года эмигрантский ежемесячник "Культура" опубликовал "Программу польского согла-

шения о независимости". Документ этот был написан в Польше и задуман как широкая политическая платформа, могущая объединить представителей самых различных оппозиционных кругов. Основные посылки этой программы заключались в том, что страна должна иметь право сама решать свою судьбу и что польское правительство и партия незаконны, ибо никем не выбирались. Программа ставит следующие цели: восстановление польского суверенитета и гражданских свобод, многопартийная система, демократия, развитие науки и культуры и "открытие дверей во внешний мир": свобода передвижения и обмена информацией. Двадцать шесть пунктов программы охватывают наиболее важные области польской политики, экономики, культуры и истории: свободные выборы, гласность в политической жизни (..... Секретность, проистекающая из российских традиций, выражает презрение к управляемым...), равенство всех граждан, свобода вероисповедания, независимый суд, "образование, свободное от страха, лжи и полицейского и политического нажима", участие граждан в принятии хозяйственных решений, настоящие профсоюзы и разумная сельскохозяйственная политика. Таковы основные тезисы программы.

Особая часть посвящена отношениям с Советским Союзом: "Официально отношения с СССР основываются на дружбе, взаимопомощи и нашей благодарности. Неисчислимы раны, нанесенные Польше Россией за последние два столетия, предаются забвению (...). Говорят о благодарности, забывая при этом, что перед тем, как быть за что-то благодарными, мы должны простить. Трудно простить, когда виновная сторона не считает себя виноватой, а продолжает свой курс на господство. Московское правительство должно отдавать себе отчет в том, что сохранение статуса кво усиливает ненависть поляков к русским и создает весьма напряженную ситуацию, могущую привести к трагическим последствиям. Интересы Польши и России не обязательно должны противоречить друг другу; противоречия порождаются неустанным экспансионизмом и идиотизмом обоих правительств (...). Мы соседи не России; мы соседи Украины, Белоруссии и Литвы, с которыми нас веками объединяли дружественные связи (...). Эти страны были аннексированы Советским Союзом (...). Мы решительно поддерживаем попытки этих народов освободиться от русско-

го угнетения (...). Мы не выступаем ни с какими территориальными претензиями, хотя для нас весьма болезненна потеря Вильнюса и Львова. Однако мы требуем равноправия для живущих на этих территориях поляков и свободы для польского языка и культуры (...).”

В июле и августе появилось немало новых открытых писем протеста. Писатель Анджеевский обратился к ”преследуемым участникам рабочего протеста”:

”Знайте, что в то время, как власти через прессу, радио и телевидение стараются ввести общество в заблуждение и отвлечь его внимание от истинных причин кризиса, в то время, как они обвиняют вас в антиобщественном вредительстве, разрушительном анархизме и даже хулиганстве, — есть в Польше люди, которые сохранили способность отличать правду от неправды и противостоять лжи и лицемерию. Эти люди видят в вас, преследуемых рабочих, не только глашатаев конкретного, сиюминутного дела, но и, прежде всего, борцов за истинную социалистическую демократию и социальные свободы...”

”Протесты рабочих в 1956 году дали власть Гомулке, в 1970 году они ее отняли, — писали одиннадцать студентов и доцентов, — однако механизм принятия решений за общество остался тот же (...). Страна, в которой единственной формой общественного контроля являются забастовки и уличные демонстрации, не может нормально функционировать и развиваться. Без свободы нет хлеба”.

Репрессии продолжались, и появилось множество подобных писем, все из них подписанные. 23 сентября Анджеевский отправил главе сейма следующее письмо:

”Милостивый государь.

От имени Комитета защиты рабочих, ставших жертвами репрессий, последовавших за событиями 25 июня 1976 года, я направляю Вам, равно как и в правительство и в сейм, обращение Комитета и ставлю Вас в известность о его учреждении. В числе прочего, наше обращение содержит требование об амни-

тии, которое мы адресуем сейму.” Под обращением стояли четырнадцать фамилий с адресами. К февралю 1977 года их стало двадцать две. Среди них — Яцек Куронь, профессор Липиньский, Антони Пайдак — старый народник, схваченный Советами и осужденный в 1945 году, Анела Стейнсбергова — адвокат, защищавшая рабочих в 1930-х гг. и Куроня и Модзелевского в 1964 году, о. Ян Зея, имеющий боевые награды партизан, сражавшийся с немцами, и Эмиль Моргиевич, проведенный четыре года (1970—74) в заключении за принадлежность к подпольной организации.

В первом обращении говорилось: ”... Репрессии по большей части были незаконны. Суды выносили приговоры без достаточных доказательств, людей выгоняли с работы в нарушение ”Рабочего кодекса”. На допросах применялись пытки. (...) Жертвы репрессий не могут рассчитывать на помощь ни одной из существующих организаций... В этой ситуации о них должно позаботиться общество. По этой причине мы организовали данный комитет. Есть нужда в юридической, материальной и медицинской помощи. Весьма важно также иметь полную информацию о преследованиях. Нам известно, что на сей день собрано 160 тыс. злотых (месячная зарплата в среднем составляет 2,5 тыс. злотых)...” Комитет также солидаризировался с постановлением конференции польских епископов от 9 сентября, требующим полной амнистии.

На конец февраля 1977 года Комитет опубликовал шесть бюллетеней и ряд заявлений. В самиздате появилось несколько экземпляров регулярно выпускаемого ”Информационного бюллетеня”; по рукам ходит также немалое число сообщений о событиях и адресованных властям писем протеста.

”Информационный бюллетень” № 2: ”Комитет опубликовал фамилии двух лиц, убитых в Радоме...” Бюллетень сообщает о репрессиях против членов Комитета и сотрудничающих с ним лиц. Например, он рассказывает о жестоком обращении, которому подверглись варшавские студенты, отправившиеся в Радом, чтобы присутствовать на суде.

”Бюллетень Комитета” № 2 (10 октября 1976 года): ”Комитет оказывает помощь 89 семьям рабочих ”Урсуса”... Мы полагаем, что работы лишились около 1000 человек... Нам известно, что 60 человек были приговорены к срокам, дости-

гающим трех месяцев тюремного заключения... Марек Маевский, рабочий, которому дважды сломали челюсть, все еще находится в тюремной больнице... На "Урсусе" нами истрачено 205.600 злотых... Нам известно о 114 случаях репрессий в Радоме. Мы знаем о четырех жертвах (двое погибли при сооружении баррикад). Мы слышали еще о четырех случаях и занимаемся их расследованием ... Из 53 опрошенных нами лиц лишь один не подвергся избиению... Семерых пришлось отправить в больницу ..."

Бюллетень перечисляет направленные против Комитета репрессии, первые попытки милиции скомпрометировать его (милиционеры посещают рабочих и представляются как члены Комитета) и публикует список милиционеров и судебных чиновников, принимающих особо активное участие в репрессиях.

"Бюллетень Комитета" № 3 (30 октября): "Мы располагаем именами 208 человек, подвергшихся преследованиям на "Урсусе". Мы знаем примерно о 90 судебных приговорах... В ноябре нам понадобится 300.000 злотых, чтобы выплатить уволенным 50-80% их прежней зарплаты... Мы знаем примерно о 131 приговоре в Радоме. Нам известны имена одиннадцати погибших ... Процессы в Радоме продолжаются, но срока стали значительно короче, чем прежде ... В Радоме и на "Урсусе" нами истрачено 363.000 злотых ..."

В специальном выпуске "Бюллетеня" Комитет подверг критике заявление Генерального Прокурора, утверждавшего, что все задержанные рабочие грабили магазины и именно по этой причине все еще находятся в тюрьме. Прокурор сообщил также, что милиция и суды вели себя как следует. Комитет заявил, что " ... почти каждый, арестованный 25 июня, был жестоко избит. Некоторые сообщили, что применялись пытки...".

4 ноября 889 рабочих с "Урсуса" (позднее было добавлено еще более 300 подписей) написали правительству:

"Мы, рабочие "Урсуса", требуем, чтобы все наши сослуживцы, уволенные в связи с июньской демонстрацией, были восстановлены на работе. Мы считаем, что это необходимо сделать из-за ситуации в стране и напряженного положения на нашем заводе. Нам трудно выполнять план, когда отсутствуют многие опытные рабочие ..."

Организованные властями митинги на заводах, призванные осудить деятельность Комитета, окончились полным фиаско. В г. Зелена-Гура, к примеру, менее 5% рабочих проголосовали заодно с партией.

15 ноября Комитет обратился в сейм с предложением:

” ... Мы призываем к учреждению специальной комиссии, которая расследует нижеуказанные обстоятельства, сопровождавшие рабочие демонстрации, и опубликует результаты своего расследования:

1. Попытки и другие нарушения закона, совершенные милицескими и судебными органами.

2. Размах репрессий ... ”

Более тысячи граждан поддержали это предложение в адресованных сейму индивидуальных и коллективных письмах. Среди них: 34 профессора, 185 ксендзов из Пжемьшльской епархии, 300 художников и ученых, 231 рабочий и студент из Гданьска.

”*Бюллетень Комитета*” № 4 приводит сведения об июльских процессах в Радоме, где приговоры достигали десяти лет. Он также описывает попытки властей запугать адвокатов и людей, работающих для Комитета.

”*Бюллетень Комитета*” № 5: ”Верховный Суд утвердил приговоры радомского суда по двум делам (9 и 10 лет) и признал подсудимых виновными во всех насильственных действиях и грабежах, произошедших в Радоме 25 июня. Таким образом, на основании факта своего участия в демонстрации подсудимые были признаны виновными в том, что нанесли телесные повреждения 75 милиционерам и награбили на два миллиона злотых... Это – опасный прецедент .. Нами истрачено уже 1.066.160 злотых. Пока что мы тратили только деньги, собранные в Польше ... Члены Комитета подверглись допросам; их обвиняют в фабрикации ложных сведений и передаче их во враждебные зарубежные центры ...”. ”*Бюллетень*” сообщает также, что на многих квартирах были произведены обыски; органы госбезопасности усилили кампанию провокаций: распространяются фальшивые бюллетени, члены Комитета обвиняются в расхищении собранных средств и объявляются сифилитиками или агентами сионизма; операции Комитета по оказанию помощи охватывают все новые города.

В другом заявлении Комитет сообщил, что на обысках милицией были изъяты все найденные ею деньги, а также ветчина и колбасы. Деньги и продукты предназначались семьям преследуемых рабочих.

7 января в открытом письме в сейм Комитет заявляет: ” ... Более ста граждан, которых милиция подвергла пыткам и избиению, подали официальные жалобы. По сей день они не получили ответа, а с ноября 1976 года госбезопасность предпринимает попытки заставить этих граждан взять свои жалобы назад. Чтобы добиться этой цели, госбезопасность прибегает к ”беседам”, угрозам (пугая даже арестом за шпионаж), увольнению с работы ... Шесть человек забрали свои жалобы, и из этих шести четверо снова повторили их, заявляя, что взяли их назад под давлением ...”.

Трудно переоценить симпатию, с которой общественность откликнулась на деятельность и позицию Комитета. Собранная сумма показывает, как велика была эта симпатия. Деньги собирались в костелах, школах, на работе. Тысячи рабочих, студентов и других граждан без колебания последовали примеру членов Комитета и подписались под письмами протеста. Добровольцы отправились в залы судебных заседаний, на предприятия и на частные квартиры, чтобы собрать информацию и распределить материальную помощь. Репрессии вызывали новые протесты. Например, все деятели культуры, подписавшие первые письма протеста, попали в черный список, однако 6 января 1977 года под письмом 172-х появились подписи новых известных художников, в том числе актеров Даниэля Ольбрыхского и Мальгожаты Браунк.

Официальные жалобы подвергнутых пыткам рабочих и их семей перепечатаются самиздатом: ”... Когда я встретилась с мужем в тюрьме, он выглядел ужасно. Руки его были в бинтах. Он был похож на вышедшего из концлагеря...”, ” ... На допросе меня заставили стоять, прислонившись лицом к стене. Милиционеры избивали меня дубинками, кулаками и ключами...”, ”... Когда меня привели к воеводской комендатуре, там стояли в два ряда человек сто милиционеров. Нас заставили пройти между ними, а они пинали нас и лупили дубинками...”.

3 февраля правительство пошло на частичные уступки и за-

явило, что готовит амнистию для тех, кто ”выказал раскаяние и, по всей вероятности, больше не совершит таких преступлений”. Комитет приветствовал это решение как ”первый шаг к исправлению несправедливости” и потребовал восстановления на работе без прерывания стажа всех уволенных, безоговорочной амнистии для всех привлеченных к суду и осужденных, раскрытия всей правды о репрессиях и привлечения к ответственности всех виновных в пытках и нарушениях закона. ”Когда будут удовлетворены эти требования, — заявил Комитет, — в нашем существовании не будет больше необходимости”.

Комитет продолжает активную деятельность, и конфронтация между общественностью и правящей элитой еще не закончена. Вот что заявил Яцек Куронь в своем интервью, данном газете ”Монд” 27 января 1977 года:

Вопрос: Власти объявили Комитет незаконным, а вы продолжаете существовать. Почему они вас терпят?

Ответ: Вам следовало бы изменить формулировку вопроса. Это мы терпим правительство... Безуспешность направленной против нас кампании показывает нашу силу...

Вопрос: В чем, по Вашему мнению, лежит решение нынешнего кризиса?

Ответ: Я не собираюсь давать советов партии. Но если посмотреть с их точки зрения, то им нужно провести коренные реформы... Им следует сделать попытку создать какие-то организованные формы консультаций с общественностью, попытаться начать диалог. Это — самый необходимый минимум...”.

Ирена Ласота-Заблудовски теперь живет в Нью-Йорке. В Польше она была арестована в 1968 г. и приговорена в 1969 г. к полутора годам лишения свободы. Тринадцать человек были осуждены за участие в демократически-ревизионистском студенческом движении, кульминацией которого явились мартовские демонстрации и волнения 1968 г. Благодаря амнистии она провела в заключении всего несколько месяцев.

ЭМИГРАЦИЯ КОРЕЙЦЕВ ИЗ СССР

С занятием советскими войсками Южного Сахалина в августе 1945 года к СССР перешло около 45 тыс. корейцев, работавших на местных угольных шахтах и набранных по большей части в южных провинциях Кореи. Если кто-либо из них и репатрировался в первые послевоенные годы, это были лишь немногие, и почти все национальное меньшинство осталось на советской территории. Вследствие лишений и дурного обращения смертность среди корейцев была высока, и, по некоторым сообщениям, в первое десятилетие после поражения Японии умерли тысячи из них. Юридический статус представителей меньшинства долгое время оставался загадкой. При включении Южного Сахалина в состав Советского Союза никакого законодательного акта, предоставлявшего бы советское гражданство сразу всем членам национальной группы, опубликовано не было. По всей вероятности, корейцам была предоставлена возможность пройти стандартную процедуру натурализации через подачу индивидуальных заявлений, и в конечном итоге некоторые из них так и поступили. В целом, однако, из сообщений недавних корейских эмигрантов с Сахалина складывается впечатление, что проблема была решена по сути дела административным путем. По этим сообщениям, вскоре после "освобождения" острова советские власти попросту записали соответствующих лиц как *граждан Северной Кореи* — даже если речь шла об уроженцах Южной Кореи.

Причиной такого шага, по всей видимости, явилось стремление Москвы избежать в конце Второй мировой войны возможного международного давления с целью репатриации уроженцев Южной Кореи в соответствующую часть страны. Одностороннее превращение их в граждан Северной Кореи придавало проблеме характер чисто внутреннего дела, сводя ее к вопросу

частных отношений между СССР и его северокаорейским союзником. В то время у русских не было оснований ожидать каких-либо осложнений от своего северокаорейского сателлита, а появившись какие-то проблемы, их можно было бы решить по-своему, "в семейном кругу", не привлекая международного внимания.

Данный случай представляется весьма необычным с юридической точки зрения. То, что Советский Союз, недолго думая, обратил в гражданство другой политической единицы, Северной Кореи, большую группу лиц, являющихся уроженцами Южной Кореи, выглядит, по меньшей мере, странно. Такой подход вряд ли соответствует общепринятым принципам международного права по данному вопросу. Консультировались ли по сему поводу с Северной Кореей? Дала ли она официальное согласие или согласие молчаливое, или СССР полагал, что в данных обстоятельствах его послушные ставленники в Пхеньяне, само собой разумеется, одобряют любое его решение? Хотя на данном этапе к однозначному ответу на эти вопросы прийти нельзя, тем не менее создается впечатление, что русские действовали на свой страх и риск и лишь потом уведомили своих северокаорейских партнеров о решении, принятом ими в качестве технической предосторожности или просто ради внешнего приличия.

Сообщается, что в 1967 году на Сахалине проживали 43 тыс. каорейцев. По сведениям из одного источника, 65% имеют северокаорейское гражданство и 25% — советское, однако 10%, или около 4 тыс. человек, до сих пор являются лицами без гражданства и требуют репатриации в Японию или в Южную Корею. Эти цифры, видимо, указывают на то, что часть национального меньшинства постепенно обращалась за советским гражданством — как можно предположить, с целью улучшить свое положение. Однако другие, очевидно, отвергли насильственный перевод в северокаорейское гражданство, равно как и отказались просить гражданства советского. Упорные попытки определенной части местного каорейского населения добиться права на свободный выезд из СССР увенчались некоторым успехом осенью 1973 года. В тот момент глава посетившей Советский Союз японской парламентской делегации заявил по возвращении, что высокопоставленный работник советского Министерства

иностранных дел сообщил ему о согласии советского правительства на репатриацию сахалинских корейцев в том случае, если Япония выдаст им разрешения на въезд. Советский представитель будто бы признал, что у многих корейцев на Сахалине нет гражданства, однако он утверждал, что никакой дискриминации они не подвергаются. Сообщалось, что советские власти готовы разрешить корейцам выехать с острова, как только Япония выдаст требуемые разрешения на въезд. Сотрудничество Японии в осуществлении данного проекта выдвигалось в качестве необходимого условия, поскольку СССР не поддерживал дипломатических отношений с Южной Кореей и, по всей видимости, не желал входить с ней в контакт даже по неофициальным каналам.

Данный вопрос был вновь поднят во время визита японского Премьер-министра Танаки в СССР в октябре 1973 года. Сообщается, что во время переговоров с советскими руководителями Танака просил их отпустить добывающихся репатриации сахалинских корейцев как можно скорее. Он также представил список, содержащий фамилии 104 корейских семей, желавших выехать в Японию; немаловажно, что главы 80 из этих семей были женаты на японках. Хотя в тот момент официального решения вопроса не последовало, Танака заявил впоследствии, что данная проблема будет разрешена Японией и СССР.

Вскоре после этого председатель Ассоциации борьбы корейцев в Японии за репатриацию соотечественников с Сахалина объявил, что в общей сложности 201 сахалинский кореец подал заявление в японское посольство в Москве с просьбой о репатриации в Южную Корею. Другие 1630 корейцев, проживающих на острове, будто бы изъявили желание выехать в Японию или в Южную Корею. (1565 человек из этих 1831-го в качестве конечного пункта следования избрали Сеул.) Согласно полученным им конкретным инструкциям, японский посол в Москве обратился к советским властям с тем, чтобы добиться выезда корейцев в минимально короткий срок. Планировалось, что Сеул и Токио договорятся между собой о предоставлении заинтересованным лицам возможности проследовать в Южную Корею после короткой транзитной остановки в Японии. Между тем высказывались предостережения, призывавшие не ждать

скорых результатов, поскольку отношение Москвы к проблеме еще не выкристаллизовалось в твердое политическое обязательство; выяснилось также, что Северная Корея незамедлительно выставила резкие возражения против намечающегося шага.

В настоящее время южнокорейские представители сообщают, что примерно 7 тыс. сахалинских корейцев твердо отказались принимать советское гражданство и с самого начала настаивали на своем праве на выезд. Следует отметить, что еще в 1969 году японскому правительству был представлен список 7197 корейцев, изъявивших желание вернуться в Корею. Некоторые уроженцы Южной Кореи предпочитали по возможности иметь дело прямо с русскими, поскольку, по их словам, в прошлом японцы преследовали в этом районе исключительно свои собственные цели. Из более чем 40 тыс. проживающих на Сахалине корейцев 1500 выразили желание переселиться в Японию. До того времени японцы ограничивались содействием репатриации лишь тех корейцев, которые были женаты на японках, на том основании, что их можно рассматривать как членов японских семей, и в самом деле уже сумели добиться выезда небольшого числа лиц, подпадавших под эту категорию.

Формальное наличие у многих из этих лиц северокорейского подданства вызвало дополнительные сложности. В сообщениях об этих перипетиях отмечается, что до получения разрешения на выезд из Советского Союза эмигранты должны отказаться от своего северокорейского гражданства; утверждают, что, по имеющимся сведениям, советские власти не обращают внимания на резкое сопротивление Северной Кореи репатриации соответствующих лиц. И снова мы сталкиваемся с тем любопытным явлением, что русские, действуя, очевидно, в одностороннем порядке и вопреки общепринятым нормам международного права, регулирующим подобную процедуру, дозволяют, а скорее всего требуют, чтобы те члены корейского меньшинства на Сахалине, которые имеют северокорейское гражданство и собираются эмигрировать, сперва отказались от гражданства другой страны. Из этих сообщений неясно, требовал ли когда-нибудь Пхеньян, чтобы эти семьи были "репатрированы" в Северную Корею, поскольку речь шла о ее "подданных", или выступал только против того, чтобы они ехали

в другие страны. В любом случае, как и то обстоятельство, что по наущению компетентных советских органов на скорую руку происходит отказ от северокорейского подданства, так и готовность Советского Союза рискнуть расположением Северной Кореи, разрешая, формально говоря, бывшим северокорейским подданным выезжать в Японию, лишний раз подтверждают ту точку зрения, что это подданство и приобретено было в таком же "ненормальном" порядке. В таком случае нынешнее поведение русских вполне может объясняться их убеждением, что положение дел, созданное ими самими, изменить должны также они сами (и, можно добавить, изменить с таким же явным пренебрежением к установленным правилам).

Если длительные усилия, направленные на то, чтобы вызволить из СССР "японских корейцев", привели к каким-то скромным результатам, то дела их собратьев, не попавших в эту "смешанную" категорию, напротив обстоят далеко не блестяще, и ощутимого прогресса в борьбе за предоставление им права на выезд из Советского Союза отмечено не было. Южные корейцы возложили вину за эту неудачу на Японию, утверждая, что японские власти мешкали с выдачей требуемых въездных виз под тем предлогом, что не хотели, чтобы заручившиеся этими визами корейцы селились в Японии. В начале 1974 года ситуация стала казаться несколько более обнадеживающей. В январе японское правительство объявило, что им составлен список корейцев, желающих репатрироваться с Сахалина в Японию или в Корею, и что оно намеревается представить его советскому министру иностранных дел А. Громыко во время его предстоящего визита в Японию. Предполагалось, что данный список будет значительно короче составленного Южной Кореей и содержавшего 7 тыс. фамилий. Японцы, со своей стороны, составили список, исходя из заявлений, поданных в Министерство иностранных дел и в японское посольство в Москве и, явно изменив свою политику, дабы успокоить южных корейцев, теперь предложили сперва договориться о репатриации тех, кто желает вернуться в Южную Корею, а затем начать переговоры о репатриации лиц, стремящихся переселиться в Японию (во втором случае речь в основном шла о корейцах, имеющих жен-японок).

В апреле появился повод для оптимизма, поскольку поступи-

ло сообщение о том, что Япония и Советский Союз договорились о репатриации 201 корейца, задерживаемого на Сахалине, и что еще около тысячи желающих вырваться оттуда корейцев могут рассчитывать на скорую репатриацию. В то же время, однако, в доступных нам разрозненных сообщениях тех, кому удалось выбраться, фигурируют исключительно корейцы с женами-японками. Японцы, насколько можно понять, продолжали идти в этом вопросе по проторенной дороге и, несмотря на данное южным корейцам незадолго до этого обещание поставить во главу угла репатриацию просто корейцев, втихомолку следовали своей привычке сперва добиваться выпуска корейцев, состоящих в брачных отношениях с японками. Что до прочих, то по сей день в данном вопросе каких-либо серьезных сдвигов не произошло, и сколько-нибудь значительная эмиграция не состоялась.

Многие из отважных людей, не делавших тайны из своего стремления уехать из СССР и поселиться в Японии или Корею, столкнулись с той же систематической травлей и преследованиями, которые обрушились на других лиц, за последние несколько лет выразивших желание покинуть Советский Союз и переехать в другие страны на постоянное жительство. Мало того, чтобы добиться разрешения на выезд, им приходится преодолевать полосу препятствий еще худшую, чем большинству из тех, кто пребывает в сходном положении. На пути у будущих корейских эмигрантов стоит двойная преграда: советский чиновник в паре с северокорейским режимом, утверждающим, что они являются подданными КНДР. Добавочный член этого уравнения никак не способствует тому, чтобы облегчить участь корейца, которому предстоит подавать на советскую выездную визу.

Да и то обстоятельство, что весь вопрос решается окольным путем, через советско-японские контакты, тоже никак не облегчает дела. Создается впечатление, что, несмотря на неоднократно данные ими заверения, японцы — по крайней мере на сей день — не вступились за своих бывших корейских подданных столь же энергично, сколь они вступались за своих сограждан или за корейцев, состоящих в браке с японцами. Есть, однако, проблеск надежды, что поведение Токио в данном вопросе может скоро улучшиться, если исходить из опубликованных недав-

но сообщений, согласно которым японские власти поддались внешнему давлению и сделались настолько уступчивы, что выслали желающим репатрироваться из СССР корейцам 2 тысячи бланков заявлений на выдачу виз. В прошлом эта процедурная деталь представляла собой важнейшую преграду на пути осуществления программы репатриации. Если японский дипломатический аппарат проявит наконец добрую волю, данный шаг сможет в конце концов привести к ликвидации этой хронической проблемы и — с большим запозданием — обеспечить постепенное вызволение части корейского меньшинства в СССР из ее нынешнего заточения.

PERSONALIA

Юрий Орлов*

(автобиографическая заметка)

Родился в 1924 году. Детство провел в деревне (между Москвой и Смоленском), в лесах, на родине отца. Жил с бабушкой, которая зарабатывала деревенским акушерством, знахарством, шитьем и вязаньем; был еще огород. Другого хозяйства не было.

Отец работал в Москве шофером; потом, когда беспризорник бросился (или попал случайно) под его колеса, ушел в слесари, а потом – в рабфак, и, работая уже инженером, не закончив рабфака, умер в 1933 году (тридцати лет) от туберкулеза.

Мать была из семьи пароходного механика на Каме, которая вымерла от тифа в гражданскую войну. В Москву пришла беспризорницей, где и поразила отца рыжими волосами и отвагой, идущей от ее матери, которая, бывало, ходила за контрабандными тканями в Китай и Персию, в дополнение к заработку механика.

В школе учился уже в Москве, живя с матерью и отчимом – добрейшим и неудачливейшим художником. Он работал рабочим, потом в архиве, в первый год войны был призван и погиб под Харьковом в 1942 году.

С начала войны я работал на заводе токарем. Еще в 1941 году один знакомый дяди, давно работающего на том же заводе, тоже рабочий, сказал мне: "Я надеюсь, что союз с демократическими странами в этой войне приведет к демократизации

* Юрий Федорович Орлов – физик, член-корреспондент Армянской Академии наук, арестован 10 февраля 1977 года. В 1976 году Орлов организовал Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Документы Группы содействия издаются издательством "Хроника"; библиография научных трудов д-ра Орлова распространяется издательством "Хроника" среди заинтересованных лиц и организаций.

страны после войны”. Как он не побоялся доноса? Его слова поразили меня, так как я знал из газет, книг и от учителей, что мы *самая демократическая* страна в мире, что только наша демократия является истинной.

В начале 1944 года я был призван в армию, направлен вначале в военное училище, а затем, за месяц до окончания войны,— на 1-й Украинский фронт. В училище я вступил в кандидаты ВКП (б).

Часть офицеров после войны оказалась настроенной весьма критично по отношению к режиму. Я участвовал в дискуссиях (в узкой группе из 3-4 человек), высказываясь против “диктатуры бюрократии” и за реформы в духе “возврата к исходным идеям марксизма”, как я их понимал. Проходя службу после войны на Северном Кавказе, усиленно изучал “классиков” марксизма и Гегеля, стараясь найти “правильную идеологию”.

У меня было две толстых тетради с крамольными выписками из Энгельса и др. Однажды, когда меня вызвали в спецотдел, я сжег их. Оказалось, однако, что это было предложение стать сексотом. Я долго не мог понять, в чем истинная причина вызова, а поняв, категорически отказался. Уговоры продолжались два дня; в конце один довольно высокий чин, к которому меня препроводили, совершенно неожиданно спросил меня: “Почему вы думаете, что у нас, как в гестапо?” Это было второе поразившее меня высказывание. Как это ни странно, я *не знал*, не догадывался, и никто мне не говорил, каковы *истинные* размеры репрессий и каков их характер в нашей стране; сам я не догадался полюбопытствовать, возможно, из боязни, так как даже задать вопрос было опасно. В нашем “кружке” мы этой темы не касались.

Конец 1946 года — увольнение в запас, окончание школы экстерном, подготовка к экзаменам в МГУ, одновременная работа истопником на фабрике в Москве. Эта работа давала довольно много времени для подготовки и хлебные карточки.

МГУ (физико-технический и затем физический факультет) был окончен в 1952 году. Там в 1948 году пришлось перейти в члены партии (из кандидатов). Политические сомнения были вообще отброшены на время учебы.

Любопытно, что из группы студентов в семь человек, живу-

ших вместе в одной квартире, при том научном институте, где проходили практику, *трое* оказались сексотами. Между прочим, физико-технический факультет в 1951 году переформировали в институт, переведя всех *евреев* в Казань и Рязань, а русских в МГУ и Московский инженерно-физический институт. В результате один очень талантливый парень (Эскин) выкинулся из окна седьмого этажа.

В 1953 году я начал работать в Институте теоретической и экспериментальной физики, директором был академик А.И. Алиханов. К началу 1956 года была завершена диссертация, первая статья была опубликована в "Nuovo Cimento" (это было вообще самое начало более свободной публикации по закрытым ранее "секретным", а на самом деле совершенно не секретным темам). К конференции в Женеве в 1956 году я участвовал в 5-ти докладах.

В апреле 1956 года я выступил на партсобрании института с осуждением политики партии до XX съезда (собрание проходило по материалам XX съезда). Говорил о всеобщей потере честности и о морали, и о необходимости демократических преобразований. Собрание бурно поддерживало это и другие выступления в том же духе.

Через несколько дней появился погромный и, конечно, клеветнический подвал в "Правде", затем закрытое письмо ЦК членам партии, в котором давалась партийная оценка нашим выступлениям. Я был немедленно уволен приказом с "самого верху", исключен из КПСС, мою фамилию вычеркнули из научных докладов и отчетов, так как "мое имя позорит советскую науку", как мне было заявлено официально. Диссертация была запрещена к защите.

Полгода я не работал. Однако во многих физических институтах собирали деньги в помощь уволенным, так что ни я, ни другие товарищи не переживали сильных трудностей.

В Москве меня нигде не принимали на научную или педагогическую работу. Один кадровик нагло заявил, что мне нужно пойти на завод для "перековки". Вскоре вышел и закон о тунелях. Поэтому я принял предложение А.И. Алиханяна (брата А.И. Алиханова) и поехал в Армению разрабатывать проект электронного кольцевого ускорителя.

Дела там пошли успешно, и в конце 1958 года удалось даже

(с некоторым нажимом) добиться приема диссертации к защите, а в 1963 году я защитил и докторскую диссертацию.

В год сорокалетия Советской Армении Хрущев, бывший в Армении, распорядился "забыть прошлое", и мне вернули допуск к "секретным работам". Без этого допуска я не мог использовать для чтения некоторые *свои собственные* засекреченные отчеты, не мог войти вовнутрь подавляющего большинства институтов в Москве, чтобы воспользоваться библиотеками, и терпел другие, иногда весьма анекдотические ограничения.

Приказ "забыть" был честно выполнен. В 1968 году ЦК Армении даже дал разрешение на оставление меня в списке кандидатов на выборах в Академию, и я был избран в члены-корреспонденты Армянской Академии. Вообще в Армении ко мне относились исключительно хорошо.

Однако результаты выборов оказались неожиданными для Москвы. Началось усиление давления — ограничение в поездках и пр.; за границу меня никогда не пускали.

В 1972 году пришлось уехать из Армении в Москву. С трудом через полгода мытарств Л.А. Арцимович устроил меня в подведомственный ему институт.

* * *

Дальнейшие даты:

16 сентября 1973 года — письмо Л.И. Брежневу (по поводу кампании против Сахарова).

Октябрь 1973 года — советская группа "Международная Амнистия".

1 января 1974 года — уволен. Амбарцумян (президент АН Армении) вопреки обещанию не смог принять на работу даже в Армении.

13 ноября 1974 года — подписал "воззвание" по поводу высылки Солженицына.

Микола Руденко

Николай Данилович Руденко – украинский писатель, в последние годы активный общественный деятель: член советской группы “Международной Амнистии” и учредитель украинской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. В феврале Руденко был арестован.

Здесь публикуется биографическая справка Л. Коваленко о Руденко из Краткой литературной энциклопедии (гл. ред. А.А. Сурков, М., 1971, т. 6).

Руденко, Микола (Николай Данилович; р. 19 декабря 1920 г., с. Юрьевка Ворошиловградской обл.) – украинский советский писатель. Член Коммунистической партии с 1946 г. Участник Великой Отечественной войны, политработник. Был тяжело ранен. В 1947–50 гг. – Ответственный редактор журнала “Дніпро”. Первый сборник стихов “Из похода” (“З походу”) вышел в 1947 году. Героями стихов и поэм Руденко выступают молодой современник – защитник Родины (“Ленинградцы”, 1948; “Мужество” – “Мужність”, 1952; “Николай Красношапка”, 1954), труженики новостроек и колхозных полей (“Светлые глубины” – “Світлі глибини”, 1952; “Переключка друзей” – “Переключ друзів”, 1954). Романы “Ветер в лицо” (“Вітер в обличчя”, 1955, русский перевод 1959), “Последняя сабля” (“Остання шабля”, 1959, русский перевод 1960), сборник рассказов и очерков “Белая акация” (1962) отличаются актуальностью проблематики, напряженностью конфликтов, умелым построением сюжета. Пишет также научно-фантастические произведения.

Соч.: Поэзія, К., 1956; Чарівний бумеранг, К., 1966; Всесвіт у тобі. Поэзія, К., 1968; в русском переводе – Поколения идут, М., 1952.

Лит.: История украинской советской литературы, К., 1965.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

О НЕКОТОРЫХ ПРАВИЛАХ ПРОПИСКИ ГРАЖДАН*

Совет Министров СССР постановляет:

1. Установить, что в городах и поселках городского типа прописываются независимо от размера жилой площади:

- а) супруг — на жилую площадь другого супруга;
- б) несовершеннолетние дети и подопечные — на жилую площадь родителей и опекунов;
- в) совершеннолетние дети, не имеющие своих семей или имеющие несовершеннолетних детей, но не состоящие в браке, — на жилую площадь родителей;
- г) родители — на жилую площадь детей;
- д) родные братья и сестры, не достигшие совершеннолетия и не имеющие родителей, а также родные братья и сестры, являющиеся нетрудоспособными, независимо от возраста, если они не имеют своих семей, — на жилую площадь брата или сестры;
- е) военнослужащие, уволенные из Вооруженных Сил СССР по окончании срочной службы, в случаях, если они были призваны на военную службу из данного населенного пункта, — на жилую площадь, которую они занимали до призыва на военную службу, либо на жилую площадь родителей или других родственников;
- ж) уволенные в запас или в отставку военнослужащие сверхсрочной службы, прапорщики, мичманы и офицеры Вооруженных Сил СССР, органов Комитета государственной безопасности

* Постановление Совета Министров СССР от 28 августа 1974 года № 678 (п. п. 1—4 опубликованы в "Собраниях постановлений Правительства СССР" № 19, 1974 г.).

сти при Совете Министров СССР, лица начальствующего состава органов внутренних дел и члены их семей — на жилую площадь родственников уволенного в запас или в отставку или родственников его супруга;

з) лица, ранее проживавшие в данном населенном пункте и выезжавшие по призыву общественных организаций на важнейшие стройки или предприятия страны или по другим уважительным причинам, — на жилую площадь, на которой они проживали до выезда;

и) лица, освобожденные от отбывания наказания в виде лишения свободы, ссылки, высылки, а также лица, с которых сняты ограничения, вытекающие из условного осуждения к лишению свободы с обязательным привлечением к труду либо условного освобождения из мест лишения свободы для работы на строительстве предприятий народного хозяйства, — на жилую площадь, занимаемую членами их семей или родственниками, с которыми они проживали до осуждения.

Независимо от размера жилой площади в городах и поселках городского типа прописываются также временно отсутствовавшие граждане, если согласно действующему законодательству за ними сохраняется право пользования жилым помещением.

2. Другие лица, кроме указанных в пункте 1 настоящего постановления, прописываются в установленном порядке в городах и поселках городского типа, если в результате их вселения размер жилой площади, приходящейся на каждого проживающего, не будет меньше нормы жилой площади, предусмотренной гражданским законодательством.

3. Независимо от размера жилой площади разрешается прописка прибывших для временного проживания:

а) студентов (слушателей) учебных заведений, отнесенных в установленном порядке к высшим или средним специальным учебным заведениям, а также аспирантов, адъюнктов, ординаторов, слушателей курсов по подготовке и переподготовке кадров или повышению квалификации — на время учебы;

б) членов семей аспирантов, адъюнктов, ординаторов и слушателей военных академий и учебных заведений Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР и Министерства внутренних дел СССР, отнесенных в установ-

ленном порядке к высшим учебным заведениям, — на время учебы аспирантов, адъюнктов, ординаторов и слушателей указанных учебных заведений;

в) уволенных в запас или в отставку военнослужащих сверхсрочной службы, прапорщиков, мичманов и офицеров Вооруженных Сил СССР, органов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР (с членами семей) в тех населенных пунктах, где они постоянно проживали до призыва в армию или поступления на службу, и при условии, если они прибыли в эти населенные пункты в течение 6-месячного срока после увольнения в запас или в отставку, — на время до получения жилой площади в этих населенных пунктах в установленном порядке.

4. Установить, что исполнительные комитеты городских и районных Советов депутатов трудящихся вправе в порядке исключения при наличии уважительных причин разрешать пропуску граждан в случаях, не предусмотренных настоящим постановлением.

Председатель
Совета Министров СССР

А. Косыгин

Управляющий Делами
Совета Министров СССР

М. Смиртюков

Москва, Кремль.
28 августа 1974 г.
№ 678

Не для печати

5. Установил, что лица, признанные судом особо опасными рецидивистами, и лица, отбывшие наказание в виде лишения свободы или ссылки за особо опасные государственные преступления, бандитизм, действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, массовые беспорядки, нарушение правил о валютных операциях при отягчающих обстоятельствах, хищение государственного или общественного имущества в особо крупных размерах, разбой при отягчающих обстоятельствах, умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, изнасилование, совершенное группой лиц или

повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование несовершеннолетней, посягательство на жизнь работника милиции или народного дружинника, распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный или общественный строй, не подлежат прописке до погашения или снятия в установленном законом порядке судимости в городах, районах и местностях, перечень которых определен решениями Правительства СССР.

Не для печати

6. Установленные пунктом 5 указанного постановления ограничения не применяются к лицам:

- освобожденным от отбывания наказания в порядке амнистии или помилования;
- в отношении которых судом была применена статья 37 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик;
- прошедшие после отбывания наказания срочную военную службу.

Лицам, отбывшим наказание за преступления, совершенные в возрасте до 18 лет, инвалидам первой группы, мужчинам старше 60 лет и женщинам старше 55 лет, а также женщинам, имеющим несовершеннолетних детей, во всех случаях разрешается после отбытия наказания прописка по месту жительства их семей и родственников, с которыми они проживали до осуждения.

Не для печати

7. Установил, что лица, подпадающие под ограничения, предусмотренные пунктом 5 указанного постановления, могут быть в порядке исключения с разрешения министерств внутренних дел союзных и автономных республик, управлений внутренних дел исполкомов краевых и областных Советов депутатов трудящихся прописаны в местностях, на которые распространяются указанные ограничения. Разрешения на прописку в этих случаях даются по ходатайствам об этом общественных организаций и коллективов трудящихся, а также администрации предприятий, учреждений и организаций, либо по ходатайствам исправительно-трудовых учреждений, в которых эти лица отбывали наказание, согласованным с наблюдательны-

ми комиссиями, а также в иных случаях при наличии уважительных причин.

Не для печати

8. Лица, которым не разрешена прописка в местностях, где действуют ограничения, предусмотренные пунктом 5 указанного постановления, не могут быть приняты на работу на предприятия, в учреждения и организации, расположенные в этих местностях.

Не для печати

9. Указанное постановление не распространяется на город Москву и населенные пункты, входившие в состав лесопаркового защитного пояса г. Москвы, переданные в административно-хозяйственное подчинение исполнительному комитету Московского областного Совета депутатов трудящихся в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 23 сентября 1961 г. № 903.

Сохранил действие постановления Совета Министров СССР от 25 июня 1964 года № 585, а также пунктов 8, 9, 10, 18, 23, 27 (кроме последнего абзаца) и 28 Положения о прописке и выписке населения в г. Москве, утвержденного этим постановлением (объявлено распоряжением по ведомству отг. №).

Сохранил в отношении пограничной зоны, а также городов, других населенных пунктов и местностей, отнесенных специальными решениями Правительства СССР к числу особо режимных, действующие в настоящее время правила прописки граждан.

Не для печати

10. Поручил Министерству юстиции СССР, Министерству внутренних дел СССР и Комитету государственной безопасности при Совете Министров подготовить с участием заинтересованных организаций и представить в Совет Министров СССР предложения о внесении изменений в действующее законодательство в связи с принятием указанного постановления.

ЮРИДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

В. Чалидзе

О ГУМАНИТАРНЫХ СТАТЬЯХ ХЕЛЬСИНКСКОГО АКТА

В свое время Хельсинкский Акт только усилил мой скептицизм относительно надежд на рост межгосударственной активности в области защиты прав человека. Действительно, формулировки Хельсинкского Акта, во всяком случае в том, что касается гуманитарных областей, как правило, неопределенны и поверхностны.

Трудно, однако, было ожидать чего-либо другого. Хельсинкский Акт, действительно, принят не в форме юридических обязательств, а в форме политического документа с добрыми пожеланиями, и в принципе можно радоваться уже и тому, что такие добрые пожелания, пусть в очень неопределенной форме, сторонами были высказаны. Конечно, неопределенность формулировок, и в правовых, и в международных политических документах, — это основа не только для будущих компромиссов, но и основа для будущих разногласий, коль скоро каждая страна полна решимости настаивать на своем толковании неопределенности.

Пожалуй, я могу не сомневаться в решимости Советского Союза настаивать на своем толковании неопределенных формулировок этого Акта. В чем я сомневался и готов сомневаться теперь, это в том, что западные страны проявят сравнимую решимость защищать свои гуманитарные ценности в подобных разногласиях, защищать свое толкование неопределенностей Хельсинкского Акта. История международной защиты гуманитарных ценностей показывает, что для моего скептицизма есть все основания. Действительно, несмотря на некоторые усилия по разработке и принятию международно-правовых документов о правах человека, западные государства до сих пор были достаточно пассивны в этой области. Деятели советского правозащитного движения не раз обращали внимание

на то, что западные страны практически совсем не используют имеющиеся в международном праве процедуры для дискуссии о нарушениях прав человека. Достаточно упомянуть хотя бы пассивность западных правительств в том, что касается систематических нарушений Советским Союзом гарантий почтовой конвенции, нарушении конвенций о дискриминации в области образования или в области труда и занятий*. Пожалуй, то, что я упоминаю об этом, не является претензией к правительствам, а является лишь наблюдением просто потому, что правительства *не обязаны* следить за тем, чтобы партнер их выполнял свои международные обязательства. Но наблюдатель может фиксировать, что они не пользуются своим правом следить за этим.

Именно в связи с этим я всегда, когда речь шла о развитии международной защиты прав человека, полагался на активность общественных сил и учитывал возможность активизации правительств разве что как вторичный фактор, как результат того, что общественные силы в западных странах будут оказывать давление на свои правительства. И я могу признать, что общественная активность в этой области действительно становится все большей и большей, хотя в некоторых случаях заинтересованные лица, в том числе правозащитные деятели в Москве, могут высказывать свое разочарование**

Я, впрочем, признаю, и это касается, во всяком случае, Соединенных Штатов, что и государственная активность благодаря существенному давлению общественных сил в последнее время, по-видимому, становится большей. Во всяком случае, похоже на то, что Соединенные Штаты готовы быть достаточно принципиальными в той дискуссии, которая предстоит на конференции в Белграде.

* Цензура не пропускает заграничные письма, у баптистов отбирают детей, инакомыслящих выгоняют с работы — ни одно государство не обратилось к соответствующим конвенциям, ратифицированным СССР и предусматривающим какую-то процедуру дискуссии.

** Для этой общественной активности весьма важно существование в Москве Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений (Орлов, Алексеева, Гинзбург и другие). Недавно образовались Украинская и Литовская такие группы.

Общие соображения

В оценке Хельсинкского Акта очень важно помнить, что это документ не юридический, это документ политический не только потому, что он не налагает на государства никаких юридических обязанностей, но и по характеру исполнения этого документа. В юридическом комментарии, конечно, естественно говорить лишь о том, какие положения Акта могут отразиться на развитии международного права или юридической практики государств.

Как политический документ, Хельсинкский Акт несет на себе печать трудно достигнутого компромисса между двумя группами государств с резко различным характером политических систем. Особенно это бросается в глаза в разделе об информации. Многие статьи в этом разделе производят впечатление трудно исполнимых в Восточной Европе, потому что государства осуществляют контроль над распространением информации. Например, такие, как статьи о расширении возможности подписки на иностранные издания, о расширении числа точек, где будут продаваться такие издания, и т.п. В то же время исполнение таких статей для государств с традиционной свободой информации и независимостью потоков информации от государства тоже будет представлять известную трудность. Совершенно непонятно, как правительство Соединенных Штатов может "расширять возможность подписки" на иностранные периодические издания или "облегчать предложение таких периодических изданий во время проведения конгрессов, конференций..." — потоки информации в стране не находятся под контролем правительства. Все, что могут сделать здесь правительства западных стран, это не мешать распространению информации из Советского Союза. В докладе президента резонно отмечается, что Соединенные Штаты не глушат радиопередач из СССР и Восточной Европы, не ставят ограничений на распространение восточноевропейских газет и периодических изданий или на их подписку, не ограничивают показ советских или восточноевропейских фильмов и не препятствуют работе журналистов. Советский Союз, как можно понять, уже использовал эту неаккуратность фор-

мулировки Хельсинкского Акта, выдвинув аргумент о том, что восточноевропейские общества более открыты влиянию западной культуры, чем Запад — влиянию восточноевропейской культуры: утверждается, что Советский Союз и восточноевропейские страны получили большее количество западного культурного материала, в особенности книг и фильмов, чем Запад с Востока. Хотя при этом ясно, что на Западе распространяется *столько* информационных материалов с Востока, сколько этого хотят покупающие читатели, а в Восточной Европе распространяется лишь *столько* западных информационных материалов, сколько это допускают правительства, тем не менее советский аргумент — это формальное требование взаимности. Советский Союз фактически ставит вопрос так: восточноевропейские правительства разрешат распространять в их странах больше западной информации только в том случае, если западные правительства принудят публику в своих странах покупать больше восточноевропейских материалов. Это поучительный абсурд, иллюстрирующий, к каким трудностям могут привести неоправданно симметричные формулировки в политических актах, составленные без учета того, что одна из сторон захочет применять принцип взаимности в противоречии с общим духом документа.

Подобная ситуация может быть использована Советским Союзом даже шире, чем только для оправдания собственных попыток уклониться от выполнения соглашений в какой-либо конкретной области. Можно представить себе, например, такой диалог: представитель США, оправдываясь, объясняет, что советские периодические издания доступны всем желающим читать их в Соединенных Штатах, но при этом государство не вправе по закону вмешиваться в распространение книг и журналов у себя в стране. Советский представитель отвечает: "Позиция Соединенных Штатов несомненно противоречит Хельсинкскому Акту, однако Советский Союз готов пойти навстречу американской стороне и учесть эти трудности американского правительства, потому что Советский Союз уважает законы и обычаи Соединенных Штатов. Но при этом советская сторона ожидает, что американская сторона будет также уважать внутренние законы и обычаи Советского Союза. Так, например, — продолжит он, — в Советском Союзе

противоречит закону распространение книг и информации, не соответствующих марксистско-ленинской идеологии, и другие страны должны уважать этот советский закон". Я думаю, здесь моя фантазия исчерпана, я не могу себе представить, что на это ответит американский представитель. Правда, такого закона в Советском Союзе нет, но американцу будет неудобно говорить об этом, поскольку есть как бы международный обычай верить участнику переговоров и предполагать, что в данном случае советский представитель лучше знает советские законы. Впрочем, советский представитель может даже не придумывать этого несуществующего закона, он может перевернуть другую карту, сославшись на закон о запрещении пропаганды войны. Связать откровенные рассказы о преступлениях, о случаях насилия в западной прессе, равно как и более вольные, чем это принято в СССР, рассуждения о сексуальной проблематике, с законом о запрещении войны — я уверен, не составит труда для советского представителя. Замечу, что и по поводу многих других неопределенных или неоправданно симметричных положений Хельсинкского Акта можно сконструировать весьма правдоподобные примеры похожих диалогов.

Не только эта симметрия в предполагаемых обязательствах может привести к трудностям в том, чтобы добиться адекватного осуществления обещаний Хельсинкского Акта. Симметрия между правами и обязанностями, на которой так любит настаивать Советский Союз, в одной формулировке этого Акта о том, что государства "подтверждают, что подача просьбы, относящейся к контактам на основе семейной связи, не будет приводить к изменению прав и обязанностей лица, подавшего просьбу, или членов его семьи". Эта формулировка неудачна принципиально, а не только по своим последствиям. Дело в том, что в любом разговоре о правах естественно презюмируется, что житель страны обязан выполнять свои гражданские обязанности, если противное не оговорено в международном соглашении. В Хельсинках шел разговор именно о правах, в намерения государств не входило пытаться расширять обязанности граждан, речь шла только о защите прав. Стороны поступили бы разумно, если бы уклонились даже от констатации обязанностей, обоснованно полагая, что

любое государство само сможет настоять на выполнении установленной законом обязанности и в этом не нужна помощь международных документов. В цитированной формуле Акта стороны вышли за пределы своих первоначальных намерений говорить именно о правах.

Кроме того, эта формулировка плоха по практическим последствиям. Я могу представить себе, как она родилась. Западные государства, озабоченные тем, что советских граждан, подавших прошение о выезде, выгоняют с работы, исключают из университетов и другим образом ограничивают в правах, могли поставить себе целью настоять на цитированной формулировке лишь в том, что касается неизменения *прав* таких лиц. Я могу себе представить, что советский представитель выразил готовность согласиться на это, но потребовал дополнения этой фразы упоминанием об *обязанностях*, ссылаясь на то, что гражданин не только пользуется правами, но и несет обязанности. Я могу себе представить далее, что западные собеседники, удовлетворенные готовностью советской стороны к компромиссу, сочли резонным рассуждение, что у гражданина есть не только права, но и обязанности, и согласились ввести упоминание об обязанностях в эту формулу. Что получилось в результате? Советский Союз издавна стремился опорочить идею эмиграции в глазах граждан. И можно не сомневаться, что те, кто заявил о желании эмигрировать, будут в России еще долгое время подвергаться притеснениям и уж во всяком случае их постараются изолировать от лояльного советского коллектива, например, выгнать с работы, из университета... Но эти меры Советский Союз в каждом отдельном случае может, более или менее успешно, оправдывать особыми обстоятельствами, якобы характерными для каждого случая, например, действительной или полупридуманной секретностью работы, необходимостью пойти на встречу общественному возмущению* и т.п.

* Это, конечно, смешно, поскольку мы знаем, что общественное возмущение, как правило, проявляется по указке сверху. Наиболее изящный пример применения подобного способа оправдания – это ссылка на то, что телевизионные техники, возмущенные выступлением Сахарова, отказались транслировать его интервью в Соединенные Штаты. Я не удивлюсь, если когда-нибудь советский представитель при-

Я уверен, что Советский Союз не откажется от таких притеснений с целью всячески опорочить идею эмиграции и смирится с тем, что оппоненты будут неудовлетворены нарушением этого пункта Хельсинкского Акта. Советская сторона может постараться сгладить неприятное впечатление, вызываемое таким нарушением, ссылкой на то, что очень многие права будущие эмигранты все же могут осуществлять в Советском Союзе. Советская сторона сможет привести убедительные цифры о том, как часто будущие эмигранты обращались за бесплатной медицинской помощью в советские поликлиники, как много денег получили будущие эмигранты в качестве пенсии и т.п. Что касается упоминания об *обязанностях*, то такое упоминание нужно было Советскому Союзу вовсе не для того, чтобы будущие эмигранты не отказались платить налоги или не стали бы сорить на улице. Дело в том, что одним из распространенных способов преследования подавших прошение об эмиграции является призыв на воинскую службу, причем очень и очень часто ситуация такова, что человек подал заявление об эмиграции, имея законную отсрочку от несения воинской службы, как сотрудник учреждения или студент. Поскольку его выгоняют с работы или из учебного заведения, он теряет право на эту отсрочку и по закону действительно должен нести воинскую обязанность. И теперь в попытках дискутировать этот жестокий метод давления на будущих эмигрантов Советский Союз несомненно сможет сослаться на цитированную формулу Хельсинкского Акта об обязанностях.

Общие принципы Акта

Наиболее важным для защиты прав человека является раздел VII Акта об уважении прав человека. Здесь прямо декларировано обещание уважать такие ценности, как свобода религии и убеждений, права национальных меньшинств и, что очень важно, декларировано, что уважение прав человека и основных свобод является существенным фактором мира (что само по себе исключает обычные претензии СССР о том,

ведет этот случай в доказательство того, что в СССР свободно осуществляется право на забастовки.

что интерес других государств к правам человека в СССР является вмешательством во внутренние дела).

Многие важные основные права не упомянуты в этом разделе, взамен этого есть отсылка к принципам Всеобщей декларации защиты прав человека. Если бы, таким образом, тема эта в Акте была исчерпана, — это могло бы считаться достаточным. Но, к сожалению, в дальнейшем конкретизируются меры по частичному обеспечению некоторых прав, не упомянутых в разделе VII, — это, конечно, снижает надежду на то, что такое неупомянутое право можно эффективно защитить, ссылаясь на сам факт отсылки ко Всеобщей декларации защиты прав человека.

Например, не упомянута в разделе VII свобода покидать страну, зато дальше подробно речь идет о весьма умеренных обещаниях (облегчении выезда для воссоединения семей). Хотя сторона, не желающая обеспечивать свободу покидать страну, может использовать это обстоятельство для отклонения претензий, все же наличие в Акте общих положений раздела VII и отсылки ко Всеобщей декларации защиты прав человека вполне определенно указывает, *в каком духе* должно истолковываться это соглашение.

Точно также в Хельсинкском Акте нет ничего о порицании преследований за информационный обмен и о порицании жестокости к политзаключенным — тем не менее Хельсинкская группа в Москве поступает вполне логично, уделяя внимание таким вопросам, ибо несомненно, что политические преследования, жестокость к заключенным, отобрание детей у религиозных родителей, злоупотребление психиатрией и другие подобные прискорбные действия властей несомненно противоречат и общим принципам и духу Хельсинкского Акта.

Контакты и регулярные встречи на основе семейных связей

В рассмотрении конкретных формул Акта я буду, как правило, избегать комментировать формулы, которые начинаются словами о том, что государства-участники будут благожелательно рассматривать..., поскольку в принципе такое обещание не означает совершенно ничего, кроме разве что обеща-

ния, что чиновники, совещаясь о том, например, дать визу или отказать в ней, будут настроены благожелательно*.

Впрочем, надо помнить, что упоминания о благожелательности и т.п. важны, как выражение духа Акта.

Обещание Советского Союза о том, что заявления о временных поездках будут рассматриваться безотносительно к стране въезда и существующий порядок оформления документов и виз будет применяться в этом духе, я истолковываю, как обещание установить единообразный порядок оформления разрешений на выезд независимо от того, в какую страну человек собирается ехать. Я не думаю, что такое обещание, сформулированное достаточно определенно, сможет быть выполнено в обозримом будущем. Выполнению этого обещания должно предшествовать полное решение проблемы свободы эмиграции хотя бы для тех, кто имеет родственников за границей. Дело в том, что в социалистические страны и в Финляндию выдача разрешений на выезд из СССР существенно упрощена по той причине, что с этими странами есть договоренность о выдаче невозвращенцев. Советский Союз издавна слишком боится каждого случая невозвращения путешественника, чтобы отменить различия в рассмотрении прошений на поездки в такие страны и в так называемые капиталистические страны. Кроме того, Советский Союз внимательно относится к опасности заражения граждан буржуазной идеологией, что тоже будет требовать применения особого, более внимательного изучения прошений о выезде в "капиталистические страны".

Обещание того, что прошения будут рассматриваться в разумные сроки и с приемлемым уровнем сборов, это то обещание, в выполнении которого может быть достигнут известный прогресс. Обещание во внеочередном порядке оформлять

* Быть может, это неоправданная ирония. Быть может, следует признать успех уже в том, что Советский Союз согласился хотя бы в такой форме подтвердить существование проблемы. И именно в этом духе я бы и написал, если бы речь шла о соглашении, заключенном 10 лет назад. Но ныне естественно было ожидать больших сдвигов.

документы на поездки в связи с серьезной болезнью или смертью вполне выполнимо для Советского Союза теперь, коль скоро нет обязанности непременно выдавать разрешение в таких случаях. В любом случае обещание дать вне очереди хотя бы отказ серьезно больному человеку также гуманно, ибо сокращает время нетерпеливого ожидания.

Воссоединение семей

Как и предыдущий раздел, этот раздел, формально говоря, в том, что касается права выезда для воссоединения семей, должен относиться только к Соединенным Штатам и тем немногим участникам Хельсинкского Акта, которые не ратифицировали Пакты о правах человека. Формально для Советского Союза и других участников Пактов проблема выезда для воссоединения семей разрешена гарантией права выезда, содержащейся в Пакте*.

Но мы знаем, что проблема выезда для воссоединения семей как раз остра именно в отношении ратифицировавших Пакты Советского Союза и других восточноевропейских стран. Замечу, что обещание рассматривать просьбы о воссоединении по возможности быстрее и при необходимости снижать сборы не только вполне выполнимо для Советского Союза, но, как отмечено в докладе президента США, уже теперь наблюдается прогресс в этой области. В полном соответствии с обещанием Хельсинкского Акта, в СССР не взимаются денеж-

* Замечу при этом оригинальную особенность Хельсинкского Акта: участники его обязались соблюдать Пакты о правах человека, если они ими связаны. Эта формулировка как-то подчеркивает неюридический характер документа по той простой причине, что в международно-правовом документе писать так не принято, можно написать: данное соглашение не затрагивает обязательств по такому-то другому соглашению. И это звучит несерьезно, что в документе, не имеющем юридической силы, государства обязываются соблюдать нормы документа, который они ратифицировали и который стал для них законом. Зная диалектические приемы советских пропагандистов, я не удивлюсь, если кто-нибудь скажет: да, мы, конечно, ратифицировали Пакты о правах человека, и в Хельсинкском Акте мы обязались соблюдать их, но это не юридическое обязательство, поскольку Хельсинкский документ имеет статус всего лишь декларации.

ные сборы с тех, кому отказано в разрешении на выезд (в отличие от ранее действовавшего порядка). Срок пересмотра ходатайства в случае отказа сокращен теперь до шести месяцев — по-видимому, это хорошее выполнение обещания делать это "через непродолжительный период времени".

Весьма нереалистичен в смысле прогресса в Советском Союзе пункт о том, что "пока члены одной и той же семьи не воссоединятся, встречи и контакты между ними могут осуществляться в соответствии с порядком для контактов на основе семейных связей". Я думаю, что трудно надеяться на осуществление этой нормы Советским Союзом в ближайшем будущем. Ситуация не такова, чтобы прошение об эмиграции рассматривалось существенно дольше прошения о поездке так, чтобы за время рассмотрения ходатайства об эмиграции человек успел посетить свою семью и вернуться за ожидаемым разрешением на эмиграцию. Ситуация такова, что если уж человеку отказано в эмиграции для воссоединения семьи, то и подавно его не пустят с визитом за границу. Иное означало бы путь к серьезному прогрессу в этой области, так как на практике для воссоединения с семьей оказывалось бы вполне достаточным получить разрешение на визит к семье. Я знаю совсем немного примеров, когда кто-либо, раньше имевший разрешение на визит за границу, впоследствии получал отказ на просьбу об эмиграции. Напротив, многие эмигрируют, не рассчитывая получить разрешение на свободные визиты. Судя по практике, Советскому Союзу гораздо легче разрешить эмиграцию, чем визит за границу. Особая проблема — это возможность советских граждан посещать за границей своих родственников, бывших советских граждан: чиновники прямо заявляют просителям, что такие поездки запрещены.

В связи с проблемой воссоединения семей отмечу два, в известной мере противоположных обстоятельства.

С одной стороны, и это отмечено в докладе президента США, Советский Союз иногда чрезвычайно узко толкует понятие семьи, объявляя в некоторых случаях, что родственник, к которому хочет ехать советский гражданин, недостаточно близкий. Вместе с диалектическим изяществом советских чиновников это приводит иногда к совершенным курьезам: отмечен

случай, когда чиновники объяснили отказ в разрешении на эмиграцию тем, что они не могут *нарушать* Хельсинкские соглашения, отпуская человека к недостаточно близкому родственнику.

С другой стороны, поскольку само право на эмиграцию в СССР прямо стараются не признавать, а предпочитают говорить только о воссоединении семей, Советскому Союзу приходится во многих случаях толковать понятие семьи достаточно широко. Лица, желающие эмигрировать, получают приглашение подчас от далеких, если не сказать — весьма далеких, родственников из-за границы, и Советский Союз удовлетворяет очень много таких ходатайств. Возникает вопрос, зачем вообще нужна формальная игра в воссоединение семей. Юридически доктрина воссоединения семей значима, когда речь идет о разрешении на *въезд*, поскольку въезд — это обычно не право, а привилегия. Доктрина воссоединения семей, казалось бы, не должна быть вообще значима, когда речь идет о *выезде*, поскольку признано общечеловеческое право покидать любую страну. Однако понятно, почему для обеих сторон, и западной и восточной, обсуждение проблем эмиграции в терминах воссоединения семей предпочтительно. Для западной — потому что со времени мировой войны проблема воссоединения семей может быть, пожалуй, более эффективно защищена ссылками на другие гуманитарные ценности и социальное благо, нежели просто свобода покидать страну: употребление этой терминологии удобно тем, что таким образом можно не настаивать на требованиях, которые покажутся Советскому Союзу чрезмерными. Для Советского Союза эта терминология единственно приемлема пока что в вопросе об эмиграции просто потому, что разрешения на эмиграцию для воссоединения семей могут не слишком противоречить общей политике опорочивания идеи эмиграции. Отменить же такую политику вообще означало бы для Советского Союза просто открыть границы для обмена людьми и информацией, благо, реализации которого не приходится ждать в обозримом будущем. Дело в том, что отказ властей от притеснения желающих эмигрировать мог бы до некоторого предела резко увеличить количество желающих эмигрировать, что вынудило бы власти меньше препятствовать самой эмиграции. Это в свою оче-

редь не могло бы не привести к облегчению выдачи разрешений на визиты за границу, а резкая активизация путешествий несомненно привела бы к притоку западных идей и информации.

Хотя я понимаю, что в Хельсинкском Акте говорится именно о воссоединении семей, я не могу не отметить как существенный недостаток этого Акта то, что там ничего не говорится об индивидуальной или групповой свободе эмиграции. Для многих лиц и групп населения эмиграция в настоящее время представляет единственный способ разрешения их противоречий с существующим в Советском Союзе образом жизни. Шире эта проблема известна в том, что касается отдельных лиц. Однако в последнее время стало известно о желании эмигрировать со стороны некоторых религиозных общин, притесняемых в Советском Союзе.

Браки между гражданами различных государств

Прогресс в этой области в Советском Союзе был достигнут задолго до принятия Хельсинкского Акта тем, что был отменен запрет на вступление в брак с иностранцем. Трудно проследить, в какой мере за этот период стало легче заключить брак с иностранцем в Советском Союзе. По-видимому, в последнее время таких браков в Советском Союзе в среднем больше, однако известно, что власти по возможности препятствуют регистрации брака с иностранцем, применяя при этом такие методы, как произвольное установление максимального (6 месяцев) срока, который должен пройти от подачи заявления о регистрации брака до акта регистрации; на практике это часто означает, что иностранец до истечения этого срока должен бывает покинуть Советский Союз, так как кончается срок его визы. Было слышно и о том, что срок визы в таком случае бывает искусственно сокращаем решением властей. В других случаях известно, что советские власти отказывали иностранному гражданину в повторном въезде в Советский Союз, если было известно, что он намерен вступить в брак с советским гражданином. Поскольку эти правоотношения касаются иностранцев, иностранные пра-

вительства и пресса осведомлены о таких случаях достаточно хорошо. Я не думаю, что есть основания надеяться на серьезный перелом советской политики в этой области. Скорее всего в будущем можно ожидать продолжения теперешней советской политики в этой области, такой, что Советский Союз сможет одновременно и ссылаться на случаи состоявшихся браков, и выдвигать оправдательные доводы о том, почему другие состояться не могли.

Поездки по личным или профессиональным причинам

Вполне возможно ожидать прогресса в области "упрощения" и "*гибкого применения*" Советским Союзом порядка выезда и въезда. (Впрочем, совершенно непонятно, что такое *гибкое* применение порядка выезда и въезда. В юридической терминологии такой оборот, как я понимаю, невозможен. Если в данном случае имеется в виду политическая гибкость, то я не могу представить себе ничего другого, кроме того, что при одних и тех же условиях и исходных данных одним будут давать выездную визу и въездную визу, а другим не давать. Если это так, то я не уверен, что в этом Советскому Союзу требуется еще большая гибкость.)

Обещание облегчить порядок передвижения иностранных граждан по территории СССР — это то, в чем Советский Союз очень долгое время может достигать постепенного прогресса, так как слишком велики территории, запретные для появления иностранных путешественников без особого разрешения или статуса. Кажется, после подписания Хельсинкского Акта прогресс в этой области и происходил.

Обращает на себя внимание то, что государства подтвердили, что "религиозные учреждения, действующие в конституционных рамках государств-участников, и их представители могут в сфере их деятельности осуществлять между ними контакты и встречи и обмениваться информацией". При должном формализме в толковании этой нормы, она очень важна для защиты прав в СССР. Именно важно то, что говорится о религиозных организациях, действующих в *конституционных рамках* государств-участников. Это разумно истолковать именно как требование, чтобы деятельность этих организаций не

противоречила конституции. Конституция СССР гарантирует свободу совести и право отправления религиозных культов, однако решающим в отношении государственных органов к религиозным организациям является не статья Конституции, а многочисленные инструкции, издаваемые явно в противоречии с конституционной гарантией (может быть, потому многие из них не публикуются). В соответствии с этими инструкциями оказывается, что некоторые не признанные государством религиозные организации преследуемы в большей мере, чем это можно сказать о религиозных культурах, государством признанных. Именно такие особенно притесняемые государством религиозные организации, как правило, лишены в настоящее время легальной возможности контактов с заграничными единоверцами. Здесь уместно привести пример того, как баптист Складенко пытался связаться со своими единоверцами за границей: его письма систематически не доходили, и советский почтамт отвечал ему, что письма "утрачены на внутренних каналах обработки". В конце концов этот баптист написал письмо Брежневу, в котором содержалась характерная просьба – дать указание, чтобы *хотя бы одно его письмо* было пропущено за границу.

Если бы кто-либо из западных представителей решил обратиться внимание советской стороны на формальную разницу между конституционными рамками, упоминаемыми в Хельсинкском Акте, и непубликуемыми инструкциями – я думаю, советский представитель настаивал бы на том, что термин "конституционные рамки" означает: "В соответствии с конституцией и законами, которые не признаны в установленном порядке антиконституционными".

Кто вспомнил бы, что в Советском Союзе вообще не существует порядка признания закона антиконституционным? Что же касается признания инструкции незаконной, то это затруднено прежде всего тем, что она не опубликована и заинтересованные лица не имеют действенной процедуры, чтобы эту инструкцию оспаривать.

Туризм, молодежные встречи, спорт

Не имеет смысла комментировать эти пункты, так как ничто в них не составляет для Советского Союза трудности продолжать свою политику полностью контролировать общественные контакты своих граждан с иностранцами, а следовательно, ничто в советской юридической практике не мешает прогрессу в этой области.

Информация

Я не предвижу, что у Советского Союза будут трудности в буквальном соблюдении норм этого раздела: почти ничто в этом разделе не мешает Советскому Союзу продолжать свою политику максимального контроля над поступающей из-за границы информацией. Употребляемые в этом разделе оговорки относительно интересов взаимопонимания между народами и целей, определенных Совещанием, всегда могут быть использованы должным образом. Обещание способствовать улучшению доступа общественности к зарубежным печатным, в частности – периодическим, изданиям вполне может привести к постепенному прогрессу без риска того, чтобы обычный государственный информационный контроль оказался неэффективным. В докладе президента США приводится сообщение (февраль 1976 г.), что в Советском Союзе в ежедневную публичную продажу поступает по *40 экземпляров* французской газеты "Монд" и лондонской "Таймс". Там же сообщается, что в открытую продажу в СССР поступает *60 экземпляров* американской газеты "Интернейшнл Геральд Трибюн". В докладе эти данные приводятся без комментариев о том, насколько они достоверны. Я не думаю, что эти данные, коль скоро речь идет о действительно публичной продаже, более достоверны, чем данные о том, что журнал "Америка" распространяется в СССР в количестве 60 000 экземпляров. Из этих цифр в докладе президента делается вывод, что эти газеты практически недоступны среднему советскому гражданину. Пожалуй, что так.

Хотя препятствия, чинимые Советским Союзом попыткам граждан осуществлять не контролируемый государством, свободный обмен информацией, – несомненно противоречат духу

Хельсинкских соглашений, будет трудно вести дискуссию об этом, ссылаясь на конкретные положения Хельсинкского Акта. В то же время нельзя не признать, что если Советский Союз в соответствии с положениями Хельсинкского Акта будет расширять обмен информации с западными странами в тех пределах, которые допустимы в соответствии с его политикой контроля над информацией, уже это может оказать со временем положительное влияние на осведомленность советской публики о хотя бы некоторых сторонах западной жизни.

В области улучшения условий работы журналистов какие-то меры уже были предприняты Советским Союзом; они отмечаются в докладе президента вместе, впрочем, со случаями притеснений, направленных против журналистов, неугодных властям. Впрочем, практика выдачи иностранным журналистам многократных въездных-выездных виз может благотворно сказаться на деятельности журналистов в том смысле, что они не будут каждый раз опасаться получить отказ в прошении на въезд (если, конечно, одновременно не будет проводиться практика отобрания таких многократных виз у неугодных властям иностранных журналистов). Весьма важен сам факт того, что в Хельсинкском Акте государства подтверждают, что "журналисты не могут подвергаться выдворению или иным образом наказываться в результате законного осуществления их профессиональной деятельности". Эта норма может оказаться полезной в дискуссии, хотя ее оборотная сторона — это то, что власти будут стараться обвинить неугодных журналистов в незаконной деятельности. (Как репетицию такого метода можно воспринимать обвинение троих американских журналистов в сотрудничестве с американской разведкой — обвинение, к счастью, предъявленное только на уровне общественного негодования.)

Вот одна из норм, которая особенно удивляет в Хельсинкском Акте: "В случае выдворения аккредитованного журналиста он будет информирован о причинах этого и может обращаться с просьбой о пересмотре его дела". Мы живем не в такое жестокое время, чтобы выдворяли иностранца, не информировав его об этом*; и до Хельсинкского Акта кто угодно в Со-

* Это политзаключенного Буковского можно было *выдворить*, не сообщив ему об этом, но не иностранца.

ветском Союзе мог *обращаться* с просьбой о пересмотре какого угодно решения – никакой особой гарантии, да еще Совещания на высшем уровне для этого не требовалось. Фактически эта норма не дает ничего..., кроме того, что подчеркивает, насколько Хельсинкский Акт отстает перед аналогичными нормами Пактов о правах человека. Статья 13 Пакта о гражданских и политических правах говорит, и причем не только об аккредитованных журналистах, а об иностранцах вообще, следующее: "Иностранец, законно находящийся на территории какого-либо из участвующих в настоящем Пакте государств, может быть выслан только во исполнение решения, вынесенного в соответствии с законом и, если императивные соображения государственной безопасности не требуют иного, имеет право на представление доводов против своей высылки, на пересмотр своего дела компетентной властью или лицом или лицами, официально назначенными компетентной властью, и на то, чтобы *быть представленным* для этой цели перед этой властью, лицом или лицами". Я думаю, читатель не нуждается в моих комментариях для того, чтобы понять, как сильно в этом случае отступил Хельсинкский Акт от гарантий Пакта. Я подчеркну, что в соответствии со статьей Пакта решение должно быть вынесено *в соответствии с законом*. Кроме того, иностранцу предоставляется *право* (если императивные соображения государственной безопасности не требуют иного) не только на одностороннюю дискуссию, но и на то, чтобы *быть представленным* для этой цели перед соответствующей властью. Хотя Пактом не предусмотрена детальная процедура подобной дискуссии, однако все же предполагается, что процедура есть.

Сотрудничество в области культуры и науки

Я не вижу, чтобы соблюдение норм этих разделов Акта могло доставить серьезные трудности Советскому Союзу в том, чтобы продолжать практику международного сотрудничества в области культуры и образования исключительно под государственным контролем.

Заклучение

Читателю этого краткого комментария к некоторым из гу-

манитарных положений Хельсинкского Акта может показаться, что будет довольно трудно вести дискуссию о прогрессе международного сотрудничества в этой области, опираясь на положения этого Акта. Я повторю, однако, что это не юридический, а политический документ. Комментировал же я его, как если бы это был юридический акт. И в юридическом акте кроме формального толкования норм, кроме буквы акта весьма важно еще соблюдение духа акта. Тем более это касается акта политического, который, как неоднократно заявлялось, составлен именно потому, что стороны полны доброй воли к развитию международного сотрудничества и к совместной защите гуманитарных ценностей. Коль скоро это так, ни дискуссия, ни конкретные усилия государств по сотрудничеству в гуманитарных областях не должны ограничиваться только отдельными формулами Акта, но должны использовать общее положение о духе Акта, о том, каковы были провозглашенные намерения при заключении этого Акта. И на этом пути, если эти намерения не были лишь пропагандистским приемом хотя бы с одной стороны, на этом пути можно если не достичь быстрых и существенных результатов, то во всяком случае вести серьезную и принципиальную дискуссию, а те трудности, которые возникают при попытке юридического прочтения отдельных норм, не препятствие к осуществлению добрых намерений. Отметим же эти возможные трудности и критиковать конкретные формулировки этих норм необходимо, чтобы, коль скоро участники совещания будут полны добрых намерений и в дальнейшем, будущие их документы оказались на более высоком юридическом уровне, чем Хельсинкский Акт.

ИЗ ПРОШЛОГО

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА ПЕШКОВА И ЕЕ ПОМОЩЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫМ *

Сообщение *О. Маркова*

Я не помню сейчас, в каком году началась деятельность Е.П. По-моему, году в 1920 или в 1921, с первыми арестами социалистов. Во всяком случае, в 1923 году ее предприятие функционировало на полную мощность. Я лично вплотную столкнулся с ее деятельностью в начале 1924 года.

Организация помощи политическим заключенным располагалась тогда в маленькой трехкомнатной квартире на Кузнецком мосту. По-моему, в доме 24, на втором этаже. Было очень странно видеть у подъезда этого дома, среди большого количества вывесок различных учреждений и организаций, маленькую дощечку с лаконичной надписью: "Помощь политическим заключенным".

Наверное, я эту дощечку видел и до 1924 года много раз, так как часто там проходил, но никогда у меня эта дощечка не ассоциировалась с политическими заключенными и тем более с Е.П. Пешковой.

Я очень хорошо помню эту квартиру. Из входных дверей вы попадали в маленькую прихожую, из которой одна дверь вела прямо, а другая направо. Направо была большая комната-приемная, в центре которой стоял стол, а по стенам — стулья, на которых обычно сидело не менее 30-40 человек. Поскольку в 1924-25 гг. основная масса арестованных по политическим делам была молодежь, то в этой приемной чаще сидели плачущие матери, изредка — жены. Мужчины там, как правило, не встречались.

Из приемной был вход налево, в маленькую комнатку Е.П., а комната, которая была прямо напротив входной двери, тоже имела дверь в кабинет Е.П. В этой средних размеров

*Эта статья взята из самиздатского сборника "Память", который готовится к выпуску в издательстве "Хроника".

комнате, позади которой находилась кладовая (там хранились продукты для передач, бумага для упаковки и т.д.) и, кажется, кухня, работали технические сотрудники Е.П. Их было 2-3 человека, и в их функции входили организация передач и посылок, закупка продовольствия, расфасовка передач и доставление их в тюрьмы, отправление почтовых переводов. Руководила этой работой громоздкая полная женщина, фамилии которой я не помню. Помню только, что она была женой одного из видных эсеров, находившегося в то время в политизоляторе.

Поскольку Е.П. в прошлом сама было членом ЦК эсеров, то ее симпатии в основном распространялись именно на эсеров, хотя в практической своей деятельности она в равной степени обслуживала всех политзаключенных, независимо от их партийной принадлежности. Однако обвинение в принадлежности к одной из политических партий было необходимо для того, чтобы заключенные попали под ее опеку. Люди, обвинявшиеся просто в "контрреволюционной деятельности", в круг подопечных Е.П. не попадали.

Может быть, такая избирательность объяснялась тем, что Е.П. практически общалась только с секретно-политическим отделом ОГПУ (СПО), который в 20-е годы возглавлял неизвестный Агранов. Именно этот отдел занимался политзаключенными, принадлежащими к той или иной партии. Другими категориями заключенных занимались другие отделы ОГПУ. Так, "контрреволюционерами" занимался контрразведывательный отдел (КРО), "вредителями", нэпманами и т.п. занимался экономический отдел (ЭКО).

Деятельность Е.П. проходила в трех сферах. Первая, отнимавшая у нее больше всего времени, — это справочная служба. Е.П. получала и сообщала родственникам все сведения о местонахождении арестованных, о характере предъявленных им обвинений, о продвижении дела — вплоть до приговора. Собственно говоря, в ОГПУ было справочное бюро. Вход в него был прямо с Лубянской площади, и утром, часов в 8-9, на площади у фонтана сидело всегда 20-30, а то и 50 человек, ожидавших, когда — в 10 часов — откроется справочное бюро. Так как стоять у самого здания ОГПУ, конечно, не разрешалось, то люди ждали на барьерчике у фонтана.

Родственники политзаключенных этим справочным бюро обычно не пользовались, так как все необходимые справки они получали у Е.П.

Вторая сфера деятельности Е.П. заключалась в проталкивании через ОГПУ различных ходатайств. Скажем, просьбу о соединении мужа с женой или жениха с невестой, о переводе из ссылки в место, где можно получить какое-нибудь специализированное лечение, о досрочном освобождении из политизолятора заболевшего заключенного и т.д. Все эти ходатайства приносили к Е.П., и она обращалась с ними в соответствующую инстанцию. В 20-х годах ей в большинстве случаев удавалось добиваться выполнения этих ходатайств.

Третье направление деятельности Е.П. — материальная помощь сидящим в Московских тюрьмах и находящимся в ссылках и политизоляторах. Я не помню, посылала ли Е.П. посылки на Соловки — туда обычно отвозили посылки жены заключенных в течение всего сезона мореплавания, — но, возможно, что и соловчанам Е.П. оказывала материальную помощь. В ссылку Е.П. посылала обычно не посылки, а денежные переводы, в пределах 10-20 рублей в месяц, причем делалось это для всех, кто обращался к ней за помощью.

Источников денежных средств у Е.П. было несколько. Основным и легальным источником служили средства от партийных "Красных Крестов", которые точно были у эсеров и меньшевиков и одно время, по-моему, — у сионистов. У анархистов и левых эсеров таких "Красных Крестов" не было. Деньги партийных "Красных Крестов" формировались, в основном, из переводов из-за границы. Это были переводы из фонда Маттеоти — фонда помощи нелегальным социалистическим партиям, созданного Социалистическим интернационалом, которому было присвоено имя убитого лидера итальянских социалистов. Кроме денег из этого фонда, были и отдельные поступления из-за границы от отдельных социалистических партий, организаций и частных лиц. Деньги в основном присылали переводами на чье-нибудь имя или привозили. Иногда деньги так же, как и литература, шли через грузинско-турецкую границу. Потом эти доллары легко обменивались на советскую валюту по курсу, примерно соответствовавшему покупательной себестоимости.

Вторым источником средств у партийных "Красных Крестов" служили деньги, собиравшиеся у бывших меньшевиков, бывших эсеров, благополучно существовавших на советской службе. По старой памяти и по остаткам старой совести они жертвовали деньги на помощь политическим заключенным. Деньги давали не только бывшие члены партии, но и самые разные люди. Назову хотя бы Е.В. Тарле, с которым мне не раз приходилось иметь дело по этому поводу. Больше всех и охотнее всех давал деньги А.Б. Шер, начальник планово-экономического отдела ВСНХ, который много раз упоминался на процессе "Союзного бюро" в 1931 году, успев к этому времени умереть.

Практически деньгами, которые Е.П. получала от партийных "Красных Крестов", распоряжались представители этих "Красных Крестов". Я не помню, кто занимался этим у эсеров. У меньшевиков сначала этим занималась Анна Васильевна Васильева, а затем, после ее ареста или отъезда к мужу в ссылку (не помню точно), — Ольга Ульяновна Сандомирская. О.У. Сандомирскую арестовали в самом конце 1928 года или в начале 1929, и я не помню, занимался ли кто-нибудь этим делом позднее. По ряду причин примерно с этого же времени я уже не мог появляться в квартире на Кузнецком мосту, хотя и пробыл в Москве еще некоторое время.

Итак, средства от партийных "Красных Крестов" — это, вероятно, наиболее солидный источник средств, которыми располагала Е.П.

Кроме того, были поступления из-за границы от различных общественных организаций, получаемые Е.П. через А.М. Горького, который до 1927 года, т.е. до момента заключения им сделки с советским правительством, довольно широко собирал за границей деньги на политзаключенных и переводил их Е.П.

Третий источник финансовых средств Е.П. состоял в сборах с лекций, вечеров, концертов и т.п., организовывавшихся официально без указания назначения сборов, но фактически с одним назначением — в пользу политических заключенных. Организацией этих вечеров и концертов занимались, в основном, обитатели "Дома отдыха ветеранов революции" на Пречистенке, где жили народовольцы. В основном этим занима-

лась В.Н. Фигнер, которая была в очень близких отношениях с Е.П. и принимала самое непосредственное участие во всей ее работе. Мне не раз приходилось в 1926-27 г.г. ездить по поручению Веры Николаевны к различным артистам, писателям и музыкантам, чтобы договариваться с ними об организации этих вечеров. Я не помню, как это формально объяснялось. Вероятно, ни для кого, в том числе для ОГПУ, не было секретом прямое назначение выручки с этих вечеров. Из артистов обычно никто никаких денег за выступления не брал, всю выручку забирала Вера Николаевна и передавала ее Е.П. Много раз после таких концертов я отвозил деньги от Веры Николаевны к Е.П. Устраивать такие вечера было довольно просто. Не было тогда никаких Москонцертов, Ленконцертов, концерты сплошь и рядом устраивала просто группа артистов или даже один человек. Кстати, этим много занималась А.А. Яблочкина. Помню, что когда Б. Пильняк вернулся из своей полуофициальной ссылки в Японию, то гонорар за первое же его публичное выступление — он читал в Доме Герцена отрывок из своей книги — целиком пошел в фонд помощи политзаключенным.

ОГПУ, конечно, знало и актив жен, постоянно окружавших Е.П., и людей, ведавших партийными "Красными Крестами", и организаторов концертов; думаю, что для ОГПУ не были тайной и фамилии, но до 1930 года оно со всем этим мирилось. ОГПУ не обращало также внимания на то, что какие-то люди в довольно крупных размерах разменивают доллары на рубли. Кстати, тогда наличие валюты смущало вообще гораздо меньше, чем сейчас. Когда арестовали одного из наших товарищей и в ящике нашли 300 долларов, то их не только не взяли, но даже и не спросили, откуда они.

Е.П. всегда имела точные сведения не только о лицах, арестованных в Москве и находящихся в следственных и пересыльных тюрьмах Москвы, но даже и о лицах, поступающих в пересыльные тюрьмы вследствие какой-нибудь переброски из одного места в другое. И как только люди появлялись в одной из московских тюрем и если было известно, что у них нет родных в Москве, Е.П. начинала немедленно передавать им передачи. Осведомленность Е.П. была настолько велика, что когда меня в 1930 году привезли из Ташкента в

Москву, в Бутырки, то на следующий же день после моего приезда туда я получил передачу от Е.П. Я был совершенно потрясен оперативностью ее работы. И после того, как меня отправили во внутреннюю тюрьму (вечером того же дня), я и там регулярно раз в неделю получал передачи от Е.П. Передачи были довольно стандартными: там было немножко сахара, немножко масла, немножко сухарей или печенья, кусочек колбасы — передачи были недорогие, но их передавали ежедневно десятками — всем политическим, кому не передавали родственники. В распоряжении Е.П. был мотоцикл с коляской (и с водителем, конечно). На этом мотоцикле Е.П. приезжала в свою организацию, на этом мотоцикле она ездила в ОГПУ, хотя от Кузнецкого моста до Лубянской площади — 5 минут пешком. На этот же мотоцикл в те часы, когда у Е.П. шел прием, грузили передачи и развозили их по всем тюрьмам, в которых находились политические. Подследственные находились, в основном, во внутренней тюрьме ОГПУ на Лубянке. По окончании следствия, до приговора, людей, как правило, переводили в Бутырки, потом мужчин отправляли в Таганскую тюрьму, а женщин — в Новинскую. Во все эти четыре тюрьмы и развозили передачи.

На чем базировались возможности Е.П.? Прежде всего, на ее личных дружеских отношениях с Дзержинским. Отношения эти установились еще с дореволюционного времени, и Дзержинский относился к Е.П. очень хорошо. Она имела право личного приема у него. Два или три раза в неделю она ездила к Дзержинскому и решала все вопросы об удовлетворении тех или иных ходатайств непосредственно с ним. Дзержинский обычно сразу давал распоряжения, а Е.П. сама проталкивала эти решения в аппарате ОГПУ. В аппарате же Е.П. получала и справочные сведения.

Где Е.П. получала сведения о поступающих в пересыльные тюрьмы — я, откровенно говоря, не представляю. После смерти Дзержинского, пока работал Менжинский, она пользовалась такой же легкостью доступа в верхи ОГПУ, как и при Дзержинском. Хотя к Менжинскому Е.П. попадала довольно редко, так как он большую часть времени болел и практически не работал, но старые установки по отношению к Е.П., в основном, сохранились.

Но когда после смерти Менжинского председателем ОГПУ стал Ягода, положение Е.П. резко изменилось. Практически она потеряла всякую возможность чего-нибудь добиваться, и возможность удовлетворения ходатайств свелась к минимуму. Постепенно эти ходатайства от Е.П. просто перестали принимать. Но она продолжала выполнять функции справочного отдела. И этим она занималась, насколько мне известно, до 1935 или даже до 1936 года. Практически Е.П. превратилась просто в справочное бюро ОГПУ.

Она, вероятно, не согласилась бы на такое положение, если бы не то обстоятельство, что существование ее организации на легальном положении давало ей возможность оказывать хоть какую-то финансовую помощь политическим заключенным. Правда, возможности для финансовой помощи у Е.П. сильно сократились, во-первых, потому, что поступления от партийных "Красных Крестов" почти целиком прекратились после 1930 года, так как деньги из-за границы стало очень трудно получать, да, вероятно, уже не было и людей в Москве, которые могли бы этим заниматься. Во-вторых, организация концертов осложнилась, так как люди стали бояться. Горький также перестал с 1927 года пересылать деньги. Но все-таки какими-то финансовыми возможностями Е.П. еще располагала, и я предполагаю, что именно ради возможности оказывать финансовую помощь она и мирилась с таким практически недостойным положением.

С ней уже не говорили ни о каких ходатайствах, ни о чем, но справки давали. Видимо, ОГПУ вполне устраивало, что их справочное бюро не загружают, что к ним не ходят, что все эти справки про политических дают не они, а Е.П. Последний документ от Е.П. я видел в 1935 году, когда один из моих товарищей по ссылке обратился к Е.П. и получил от нее ответ. (Кстати, бланка у нее не было, был только угловой штамп с надписью: "Помощь политическим заключенным. Е.П. Пешкова".)

В 1936 году я на короткое время оказался в Москве, но к Е.П. не пошел, хотя до сих пор помню ее адрес. К этому времени существование ее организации потеряло всякий смысл, потому что потерялось четкое деление на политических и неполитических заключенных, и она уже не смогла бы ра-

зобрат, кому надо помогать, а кому нет. Раньше она всегда исходила из формулировки обвинения, но в 30-е годы в принадлежности к политическим партиям обвинялось такое огромное количество людей, не имевших к ним никакого отношения, что она просто захлебнулась.

У меня в памяти не сохранилось сведений о том, принимала ли она какое-нибудь участие в оказании помощи троцкистам. Я помню только, что, когда начались аресты троцкистов, они с невероятным пренебрежением относились к Е.П. и отказывались пользоваться ее услугами. Но потом, когда из них откристаллизовались более или менее порядочные люди, не писавшие покаянных писем и очутившиеся в ссылке или в изоляторе, они, возможно, изменили свое отношение к Е.П.

Мы всегда поражались невероятному терпению и выдержке Е.П. У нее уже было два приемных дня в неделю, и в эти дни она принимала не менее 50-60 плачущих матерей и жен. Матерям, естественно, хотелось выговориться, они долго рассказывали Е.П., какие у них хорошие сыновья, и какие они больные, и как им нельзя сидеть в изоляторе, и как им вредно находиться в тюрьме и в ссылке. В дни приема Е.П. просиживала в своем кабинете по 6-7 часов, задерживалась до позднего вечера и, не прерывая, с терпением выслушивала все эти жалобы.

Иногда мне приходилось заходить к Е.П. к концу ее приема и потом провожать ее домой, и я помню, что заставал ее в состоянии почти полнейшего изнеможения. И тем не менее, не было случая, чтобы Е.П. кого-нибудь поторопила, кого-нибудь не выслушала до конца и не вытерла чьи-нибудь слезы. В этом отношении она производила на нас всех впечатление человека феноменального.

Вместе с Е.П. работал еще Михаил Львович Винавер – адвокат. Михаил Львович выполнял функции Е.П., когда она болела или куда-нибудь уезжала. Правда, у него была еще и другая функция – он был представителем польского Красного Креста в Советском Союзе. В этой своей роли он обслуживал всех поляков, арестованных в России, независимо от их подданства.

Когда вместо Е.П. прием вел М.Л., он выглядел несравненно бледнее, чем Е.П. У него не было и половины той выдержки

ки, которой обладала Е.П.

Приемный день Е.П. обычно проходил следующим образом: с утра она ездила в ОГПУ, потом в двенадцать или в час она оттуда возвращалась и начинала прием. Никто с ней вместе этого приема не вел, никто записей никаких не делал. Все записи делала она сама, и она сама на следующий день, вернувшись из ОГПУ, давала все необходимые справки.

Я не помню, существовала ли у нее какая-нибудь картотека — я ее, во всяком случае, не видел. Приходившие на прием, по-моему, никаких карточек или анкет не заполняли. Все-таки картотека подопечных, наверное, была, так как вряд ли можно было без записей оказывать материальную помощь. Но даже если такая картотека и была, то в ней, наверное, были зафиксированы только те люди, которые находились в это время в московских тюрьмах, и те, которым она оказывала систематическую помощь. О помощи людям, которые освобождались, я не слышал.

Не знаю, существовали ли провинциальные отделения организации Е.П. Мне кажется, что короткое время существовало отделение в Ленинграде, может быть, где-нибудь еще, точно не знаю, а вот партийные Красные Кресты существовали и в Ленинграде, и в Харькове, и в других городах.

... Вот все, что мне вспомнилось о деятельности Е.П. Пешковой по помощи политическим заключенным.

Послесловие к публикации

Деятельность Екатерины Павловны Пешковой (1876–1965) в Политическом Красном Кресте не изучена историками и почти не освещена в мемуарах¹. Слова в некрологе о ее "ценнейшем архиве, который еще долго будет изучаться"², уже при своем появлении звучали двусмысленно, ныне они вообще утратили всякий смысл. В свете этого сообщение О. Маркова представляет собой поистине уникальный источник. Оно может быть несколько уточнено и дополнено сведениями, имеющимися в письмах А.М. Горького к Е.П. Пешковой, которые готовила к публикации сама Е.П. Пешкова³.

26.5.1918 Горький пишет: "Знаю, что ты в Красном Кресте". Объясняя это место, Е.П. Пешкова указала, что она "работала в Красном Кресте по оказанию помощи политическим заключенным с середины февраля 1918 года". Т.е. Политический Красный Крест, по-видимому, возник в 1918 г., а не в 1920-1921 гг., как думает О. Марков.

Комментируя записку А.М. Горького от 21.1.1921 г. – "Ясновельможной пани Пешковой Уполномоченному Польского и всех других Красных Крестов" – Е.П. Пешкова отметила, что она была Уполномоченным Польского Красного Креста с осени 1920 г. "... в силу особого соглашения, принятого при заключении в 1920 г. в Риге мирного договора". Это, впрочем, может быть, и не отменяет утверждения О.Маркова, что Уполномоченным был М.Л. Винавер.

Судя по адресу, по которому была доставлена упомянутая записка, в 1921 г. Бюро Польского Красного Креста помещалось по адресу: Мясницкая, 20, кв. 29 (ныне ул. Кирова). Адресные книги Москвы на 1925-27 гг. дают несколько иной адрес: Мясницкая, Кривоколенный пер. 8, кв. 14. Политический Красный Крест или "Общество Помощь Политзаключенным" упоминается только в книгах на 1923-24 гг. Судя по ним, адрес этой организации был в 1923-24 гг. близок к тому, что называет О.Марков – Кузнецкий мост 16, кв. 74. (Попутно заметим, что в адресных книгах Петрограда – Ленин-

града подобная организация не упоминается совсем.)

В письмах Горького довольно часто упоминается о поездках Е.П. Пешковой по стране и за границу. В октябре 1921 года она ездила в Новониколаевск (Новосибирск), в конце апреля 1922 – в Архангельск, в декабре 1926 – на Украину и т.д.; в июне 1923 – во Фрейбург и Берлин, в апреле 1927 – в Италию и Польшу. Комментируя соответствующие места, Е.П. Пешкова неизменно писала о причинах таких поездок, указывая, что они осуществлялись "для выявления лиц польской национальности" (если речь шла о городах СССР), либо вообще "по делам Польского Красного Креста" (если говорилось о поездке за границу). По-видимому, эти поездки нельзя воспринимать в отрыве от повседневной деятельности Е.П. Пешковой в Политическом Красном Кресте⁵.

Кроме того, довольно часто Горький пишет Е.П. Пешковой о пересылке ей денежных сумм. Вот несколько примеров: "... в начале декабря 1923 (...) должны перевести 500 долларов" (1923); "Получила ли ты (.....) 300 долларов?" (6.5.1925); "Скоро тебе вышлют 500 долларов" (17.12.1925); "... из Тифлиса от Багратион-Мухранской 50 долларов (...)" (7.1.1927). Хотя эти денежные отношения почти не комментируются Е.П. Пешковой или объясняются вполне "безобидно", можно предположить, что свой подлинный смысл они обретают лишь в контексте рассказа О. Маркова об источниках средств Политического Красного Креста. Косвенным подтверждением достоверности рассказа О. Маркова является и тот факт, что с 1927 г. сообщения о высылаемых деньгах исчезают из писем Горького.

Есть в письмах Горького глухие указания на то, что с годами его отношение к деятельности Е.П. Пешковой менялось именно в том направлении, какое указывает О. Марков. 17.1.1925 он пишет: "... привет всем жителям ковчега твоего. На прочном якоре стоит ковчег этот. Привет и "другу" твоему"⁶. "Друг" – это Дзержинский, смерть которого в 1926 году была воспринята обоими корреспондентами со смятением и тревогой⁷. Совершенно иная тональность в письме Горького к Е.П. Пешковой от 25.12.1928: "Живи тихо, скромно и не требуй от людей ничего, это бесполезно, они ничего не дадут"⁸.

Встречаются иногда в письмах и просьбы Горького к Е.П. Пешковой ходатайствовать за некоторых заключенных.

Однако изложенных фактов все-таки недостаточно, чтобы минимально удовлетворительно решить вопрос о степени участия Горького в работе Е.П. Пешковой по помощи политзаключенным. Его письма к Е.П. Пешковой дают мало материала по этому поводу. Значит ли это, что участие было незначительным, или дело в том, что не все письма опубликованы, — трудно сказать.

Ясно одно — это мы знаем наверняка — в архиве А.М. Горького есть документы, относящиеся к интересующей нас теме. Увы, доступ туда, равно как и к архиву Е.П. Пешковой, для нас невозможен.

Особого внимания заслуживают сведения О. Маркова об отношениях Е.П. Пешковой с "партийными красными крестами", представлявшими, видимо, осколки существовавшего тогда социалистического подполья. Сведения эти, к сожалению, невозможно проверить по советским печатным источникам, между тем, они вызывают множество вопросов: до каких пор существовало это подполье, как оно было велико, чем, кроме помощи арестованным товарищам, занимались находившиеся на свободе, произошла ли эволюция во взглядах социалистов России к концу 1920-х годов и т.д. На эти вопросы мы хотели бы получить ответы, а их могут дать лишь живые свидетели прошлого.

Равно интересуют нас и дальнейшие подробности о деятельности Е.П. Пешковой и не только в Политическом Красном Кресте. Советская печать почти не писала о ней. Впрочем, не было обойдено вниманием награждение ее орденом и чествование в 1958 году "... в связи с 80-летием со дня рождения" (через два года после действительного 80-летия). Но в юбилейной заметке ("Литературная газета" 29.7.1958 г.), в извещениях о смерти и некрологах — в лучшем случае лишь уклончиво говорилось, что "после 1917 года (Е.П. Пешкова — А.Л.) — в Политическом Красном Кресте"⁹; вряд ли это одинокое замечание могло быть исчерпывающе понято современным советским читателем. Да и сам факт существования организованной помощи политзаключенным ни в каких официальных исторических работах не упоминается.

А.Литинский

Примечания

¹ Последнее, известное нам, упоминание об этом содержится в *ВОСПОМИНАНИЯХ* Н.Я. Мандельштам.

² *ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ*. 1964-1965. М. "Наука", 1966, стр. 389-393. Биографическую справку о Е.П. Пешковой см. в Краткой Литературной Энциклопедии, т. 5, стлб. 737.

³ Письма А.М. Горького к Е.П. Пешковой. 1906-1932. В кн.: *АРХИВ А.М. ГОРЬКОГО*, т. IX, М., "Наука", 1956.

⁴ У О. Маркова – Кузнецкий мост, 24. Тот же адрес попал и в книгу Р. Конквеста: "В Москве жены шли сначала в "справочный центр" – Кузнецкий мост 24 – напротив Лубянки, потом..." (*БОЛЬШОЙ ТЕРРОР*, 1974, стр. 539). Сейчас в доме 24 – приемная КГБ при СМ СССР.

⁵ Для характеристики неутомимой энергии Е.П. Пешковой ценно и такое сообщение М. Пешкова из его письма отцу от 20.02.1919: "Мать для того, чтобы поспеть в день всюду, куда ей надо, решила купить по случаю (за 60 р.) лыжи. Воображаешь ее на лыжах бегущей вниз по Кузнецкому мосту с портфелем под мышкой!!! Когда растает, я решил подарить ей коньки на колесах" (*ГОРЬКИЙ И СЫН*. Письма. Воспоминания. М., "Наука", 1971, стр. 185).

⁶ *АРХИВ А.М. ГОРЬКОГО*, т. IX, стр. 239.

⁷ Там же, стр. 256, 409. См. также известное письмо Горького Я.С. Ганецкому в кн.: *А.М. ГОРЬКИЙ*. Собр. соч. в 30 тт., т. 29, стр. 389.

⁸ Там же, стр. 277.

⁹ См. "Известия", "Советская культура", "Литературная газета" от 27.03.1965; "Литературная газета" от 30.03.1965. *ГОРЬКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ*. 1964-1965.

БИБЛИОГРАФИЯ*

'Континент', выпуски 1-10**

'Континент', вып.1. *Абрам Терц*. "Литературный процесс в России" – размышления автора о положении писателя в современной России и возможностях творческой деятельности.

Кардинал Миндсенти. "Перед лицом новых испытаний" – мемуары известного венгерского религиозного деятеля кардинала Миндсенти, известного своей твердой позицией в 56 году, когда советские войска подавили Венгерское восстание. Публикация мемуаров продолжается во 2, 3 и 4 выпусках.

'Континент', вып. 2. *Гойко Борич*. "Почему в Югославии нет Самиздата?". Краткое сообщение о положении печати в Югославии.

Александр Солженицын. "Сахаров и критика 'Письма вождям'" – ответ Солженицына на статью Сахарова "О письме Александра Солженицына вождям Советского Союза"***.

"Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов г. Петрограда" (публикация А. Солженицына) – перепечатка протоколов чрезвычайного собрания уполномоченных фабрик и заводов 13 и 15 марта 1918г. и Декларация этого собрания. Важнейший источник для изучения борьбы российских профсоюзов с попытками большевиков подчинить профсоюзы государственной власти. Публикации сопутствует предисловие А. Солженицына.

* Начиная с этого выпуска, "Хроника защиты" будет публиковать более подробный обзор новых книг и журналов. Иногда библиографическая информация будет сопровождаться короткими рефератами, не претендующими на оценку произведений.

** Журнал "Континент" выходит с 1974 года, главный редактор – Владимир Максимов. В редакционную коллегию входят известные писатели из России и стран Восточной Европы. "Континент" – литературный, общественно-политический и религиозный журнал. В этом обзоре дается информация только о тех публикациях, которые по тематике имеют непосредственное отношение к тематике журнала "Хроника защиты", то есть о политических репрессиях и выступлениях в защиту прав человека. Разумеется, приводимый ниже перечень далеко не полон даже внутри этой тематики.

*** Статья Сахарова опубликована в книге "О стране и мире", сборник произведений, издательство "Хроника", 1975 г.

"Континент", вып. 3. А. Пятигорский. "Уход Дандарона" – о жизни и деятельности Биди Дандарона – советского буддолога, умершего в советском лагере в 1974 г.

Валентин Мороз. "Хроника сопротивления" – публикация известного в самиздате текста, в котором рассказывается о борьбе за сохранение украинской культуры.

Информация "Хорватские интеллектуалы и студенческие руководители в югославских тюрьмах" – краткий перечень югославских политзаключенных с краткими сведениями о них.

"Континент", вып. 4. Николас Бетелл. "Последняя тайна" – о насильственной выдаче русских военнопленных в 1944-47 гг. Публикация продолжается в выпусках 5, 6, 7.

"Континент", вып. 5. Йозеф Смирковский. "Неоконченный разговор" – публикация записи беседы с Йозефом Смирковским, известным чехословацким деятелем времен Пражской весны. Публикация продолжается в выпусках 6 и 7.

"Континент", вып. 6. Андрей Сахаров. "Письмо Пагоушской конференции в Киото".

Вячеслав Черновол и Борис Пэнсон. "Диалог за колючей проволокой" – публикация материала, полученного из Мордовского лагеря, с предисловием Андрея Синявского. Ценный источник для изучения положения политзаключенных в СССР.

"Континент", вып. 7. Ефим Эткинд. "Наши присяжные" – из книги "Диссидент поневоле". Рассказ о заседании ленинградского отделения Союза писателей РСФСР 25 апреля 1974 г., на котором обсуждался вопрос об исключении Эткинда из Союза писателей*.

Эмиль Моргевич. "Письмо о польских тюрьмах". "Меморандум. Письмо о польских тюрьмах". Важный источник о положении заключенных в Польше.

Андрей Сахаров. "Мир через полвека". Футурологическое эссе.

На четвертой странице обложки – Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1975 г. "О лишении гражданства СССР Максима В.Е."

"Континент", вып. 9. А. Марченко, М. Тарусевич. "Третье дано" – размышления авторов о положении в Советском Союзе и отношении Запада к СССР.

Исаак Дон Левин. "ГУЛаг и Запад". Рассказ автора о том, как в 20-х годах он пытался возбудить западное общественное мнение в связи с полученной информацией о концентрационных лагерях в Советском Союзе. Текст иллюстрирован ответами известных западных деятелей, которые

* Другие документы по делу Эткинда опубликованы в книге "Литературные дела КГБ", издательство "Хроника", 1975 г.

получил на свое обращение Исаак Дон Левин, в том числе от Георга Брандеса, Карела Чапека, Альберта Эйнштейна, Кнута Гамсуна, Мориса Метерлинка, Томаса Манна, Романа Роллана, Бертрана Рассела и других известных деятелей. Приводятся также копии писем Эйнштейна из дальнейшей переписки с автором. Во второй части текста – рассказывается о составленной при участии автора карте лагерей Советского Союза и приводятся выдержки из отчета Госдепартамента о принудительном труде в Советском Союзе (1952 г.). Статья Дон Левина – важный источник для изучения истории того, как сведения о советских лагерях проникали на Запад и воспринимались на Западе.

Заявление Сахарова (11 июня 1976 г.) и Янкевича. В заявлении сообщается о продолжении преследований Ефрема Янкевича.

“Континент”, вып. 10. “Первый выпуск польской “Хроники”, сентябрь 1976 г. “Информационный бюллетень” № 1, новости общественной жизни. В “Бюллетене” – отчет о событиях 25 июня 1976 г. – забастовке рабочих и последующих преследованиях, сообщения о выступлениях в защиту рабочих.

Лидия Чуковская. “Лицо бесчеловечья” – письмо в защиту Мустафы Джемилева.

Поступления самиздата

Альбрехт В.Я. “Как вести себя на обыске?”, 1976 г.

Боголюбов Г., рабочий. Заявление о преследовании его органами КГБ, Магадан, ноябрь 1976 г.

Богораз Л. Жалоба в МВД СССР на действия коменданта по надзору за ссыльными в Чунском РОВД в отношении ее мужа А. Марченко, 2 ноября 1976 г.

Бойцова Л. Письмо в Международный Красный Крест с просьбой помочь в оказании медицинской помощи ее мужу – политзаключенному С. Ковалеву, 10 февраля 1977 г. (опубл. наст. вып.).

Бойцова Л. Призыв помочь спасти ее мужа – политзаключенного С.А. Ковалева, 6 февраля 1977 г.

Борисов Вл. Заявление для прессы об изобретенном им простом, дешевом печатном устройстве, сентябрь 1976 г. (опубл. наст. вып.).

Военный М., крымский татарин. Заявление в адрес XXV съезда КПСС, 14 января 1976 г.

Гамсахурдиа З. “Антиправительственные протесты в Грузии в 1976 г.”, 17 сентября 1976 г.

- Гандзюк В., политссылный. Письма из ссылки, 1976 г.
- Глузман С., политзаключенный. "Крестьянин, сын крестьянина. Письмо датчанке" о политзаключенном И. Грабансе, 1976 г.
- Григоренко П. Заявление об отказе явиться по повестке в КГБ на "беседу", 2 декабря 1976 г. (опубл. наст. вып.).
- Жолковская И. Жалоба начальнику 27-го отделения милиции г. Москвы на действия работников милиции в отношении ее мужа А. Гинзбурга, 25 октября 1976 г.
- Жолковская И. Обращение в организацию "Эмнисти Интернейшл" в связи с арестом ее мужа А. Гинзбурга, 18 февраля 1977 г. (опубл. наст. вып.).
- Завуров А. Заявление на имя Л. Брежнева, апрель 1976 г.
- Кампов П., политссылный. Письма из ссылки, 1976 г.
- Ланда М. Обращение в защиту политзаключенного Ивана Светличного, октябрь-ноябрь 1976 г.
- Ланда М. Информация о политзаключенном В. Марченко, 1976 г.
- Ланда М. "Обыски в Ленинграде и Москве – "по делу об антисоветских надписях, появившихся в Ленинграде в апреле и августе 1976 г." (дело № 62)", сентябрь 1976 г.
- Ланда М. Обращение к художникам, людям доброй воли, организации "Международная Амнистия", Комиссии по правам человека ООН о художнице, политзаключенной С. Шабатуре, октябрь 1976 г.
- Ланда М. "О свиданиях" политзаключенного С. Караванского, 12 декабря 1976 г.
- Лернер А. "Миф о "секретности" профессора А. Лернера", июнь 1976 г.
- Майер Я., верующий. Обращение "Христианам всего мира", 28 октября 1976 г.
- Машкова В. Обращение ко всем христианам о болезни бывшей политзаключенной Н. Строкатовой, октябрь 1976 г.
- Наприенко В., баптист. Открытое письмо всем верующим, 5 декабря 1976 г.
- Орлов Ю. Заявление о действиях органов власти перед Белградской конференцией, 7 января 1977 г.
- Орлов Ю. Заявление для прессы , 11 июля 1974 г.

- Орлов Ю. Телеграмма Н. Подгорному, 11 июля 1974 г.
- Осипов В., политзаключенный. Рождественское поздравление отечественным и зарубежным друзьям, декабрь 1976 г.
- Руденко М. Сообщение о враче М. Ковтуненко, арестованном за отказ сотрудничать с КГБ, 14 октября 1976 г.
- Сахаров А.Д. Письмо "Избранному президенту США Джимми Картеру" об осужденном Петре Рубане, 14 января 1977 г.
- Сахаров А.Д. Заявление на пресс-конференции о незаконном преследовании В. Рубцова в связи со взрывом в московском метро, 18 января 1977 г.
- Светличная Н. Сообщение об ограничении ее в выборе места жительства после освобождения из заключения, 27 сентября 1976 г.
- Сеитмуратова А., крымская татарка. Протест в адрес Генерального Прокурора СССР Руденко, 8 сентября 1976 г.
- Серый Л., рабочий. Открытое письмо Генеральному Секретарю ЦК КПСС Л. Брежневу, 14 ноября 1976 г.
- Солдатов С., политзаключенный. Стихотворение "Ответ В. и П.", Лефортово, апрель 1975 г.
- Фактор А. Заявление зам. заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС с просьбой пересмотреть решение о его выезде в Израиль, апрель 1976 г.
- Фактор Л. Заявление начальнику Харьковского областного ОВИРа о его согласии на выезд его сына А. Фактора в Израиль, апрель 1976 г.
- Федотов Г., православный. Два письма Т. Ходорович, октябрь 1976 г.
- Хайло В., баптист. Обращение к главам 35 стран, которые в Хельсинки подписали документ о правах человека, 13 января 1976 г.
- Ходорович Т. "Советская психиатрия усугубляет психический недуг советского общества" о насильственном помещении в психиатрическую больницу Петра Старчика, 18 сентября 1976 г.

Коллективные произведения

- Гамсахурдия Э., Пайлодзе В. "Под маской "борьбы с вредными обычаями" правительство грабит церкви", 10 сентября 1976 г.
- Завуровы Аммон и Амнер. Заявление на имя Н. Подгорного, июль 1976 г.
- Ланда М., Алексеева Л., Каплун И., Великанова Т. "Модель печатного устройства – изъята на обыске у Владимира Борисова", 21 сентября 1976 г.

- Ланда М., Строкатова Н. Обращение ко всем членам Международной федерации участников движения Сопротивления с просьбой помочь бывшей политзаключенной Н. Светличной, октябрь 1976 г.
- Ланда М., Ходорович Т. Обращение к медикам мира, людям доброй воли, прессе "Нина Строкатова – врач-микробиолог, недавно вышедшая из советских концлагерей, – нуждается в вашем внимании", 30 октября 1976 г.
- Ланда М., Ходорович Т. Обращение к "Международной Амнистии", ПЕН-клубу, людям доброй воли о политзаключенном-украинце В. Стусе с приложением информации о пребывании Стуса в Мордовских лагерях, 23 ноября 1976 г.
- Лернер А., Слепак В., Щаранский А. Обращение к Кнессету, 12 марта 1977 г.
- Сахаров А., Шафаревич И. Обращение об аресте А. Гинзбурга, 4 февраля 1977 (опубл. наст. вып.).
- Строкатова Н., Машкова В. Обращение к Международному совету женщин (Париж) с просьбой помочь бывшей политзаключенной Н. Светличной, осень 1976 г.
- Политзаключенные Уральского лагеря № 36 (Ковалев, Сверстюк, Менделевич и Плумпа). Заявление с требованием статуса политзаключенных, 30 октября 1976 г.
- 20 ученых (А. Сахаров, В. Турчин и др.). Обращение "Ученым мира" о политзаключенном Сергее Ковалеве, ноябрь 1976 г.
- 6 художников (О. Рабин и др.). Открытое письмо художникам – членам профкомов художников Москвы и Ленинграда о судьбе художника В. Филимонова, 15 декабря 1976 г.
- 27 крымских татар. Заявление в адрес Генерального Прокурора СССР о выселении из Крыма семьи В. Файзуллаева, лето 1976 г.
- Группа немцев Киргизской и Казахской ССР. Обращение к американскому конгрессу с просьбой оказать помощь в выезде в ФРГ, 2 ноября 1976 г.
- Группа друзей П. Старчика (П. Григоренко, Н. Буковская и др.). Обращение к президенту Франции Жискару Д'Эстену о насильственном помещении Старчика в психиатрическую больницу, 15 октября 1976 г.
- Более 40 советских евреев. Обращение к Группе содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР и к комиссии конгресса США по проверке выполнений решений Хельсинкского совещания о проблеме воссоединения семей, осень 1976 г.
- Группа советских евреев. Обращение "К еврейским общинам мира", март 1977 г.

13 ученых-евреев (А. Воронель и др.). "Обращение еврейских ученых к мировой общественности" в защиту Юрия Орлова, 14 июля 1974 г.

Анонимные произведения

В Белогорский райисполком. Сообщение о выселении крымско-татарских семей из Крыма, осень 1976 г.

Подборка материалов "Этапы, пересылки", осень 1976 г.

Текст "Политзанятия. Мордовский лагерь № 19 (учреждение ЖХ-385/19)", осень 1976 г.

Заявление политзаключенных Владимирской тюрьмы в день 40-летнего юбилея Конституции СССР.

Сообщение "Политссылные Василик Владимир А., Коц Николай Г."

Сообщение "В День политзаключенного, 30 октября 1976 г., объявили голодовку десятки политзаключенных Владимирской тюрьмы, концентрационных лагерей Мордовии и Урала".

Сообщение "27 августа в Латвии арестован Петр Нарица, сын Михаила Нарицы", осень 1976 г.

Сообщение "20 июля 1976 г. арестована Фурман Лиля А."
"Виктор Боровский".

"О судьбе Ильина" (Ильин – лейтенант, стрелявший в правительственный кортеж во время встречи космонавтов в 1969 г.)

Баптисты г. Харькова. "Харьковское воззвание" в связи со 100-летним юбилеем издания Библии на русском языке, 1976 г.

Текст "Письма политзаключенных (Владимирская тюрьма)", осень 1976 г.

Заявление политзаключенных Владимирской тюрьмы, сделанное 1 августа 1976 г.

Текст "Владимирская тюрьма".

Запись постановления бюро РИСО АН СССР от 16 января 1976 г. "Об ошибках, допущенных при издании Ю.А. Гастева "Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования", М., 1975, с примечаниями.

Сообщение о попытке мятежа на корабле Балтфлота 7-8 ноября 1975 г., июль 1976 г.

Текст "Дело Завуровых", начало 1977 г.

Документы ассоциаций

Общественный комитет "Свободу Петру Старчику!" (Т. Великанова, Т. Ходорович и др.).

Заявление для прессы о создании комитета, 14 октября 1976 г.

Обращение ко Всемирному Совету Церквей с просьбой помочь освободить из психиатрических больниц страдающих за свои убеждения, 14 октября 1976 г.

Открытое письмо "Конгрессу США", 14 октября 1976 г.

Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Документ № 7. "Новые аресты по обвинению в религиозной или пропагандистской деятельности", 12 октября 1976 г.

Документ № 8. "О злоупотреблениях психиатрией", 12 октября 1976 г.

Документ № 9. "О судьбе евреев села Ильинки", 12 октября 1976 г.

Документ № 10. "О грубых нарушениях права национальных меньшинств на равенство перед законом", 10 ноября 1976 г.

Документ № 11. "О праве на эмиграцию по религиозным мотивам", 2 декабря 1976 г.

Документ № 12. "Об украинских беженцах", 2 декабря 1976 г.

Документ № 13. "Требования эмиграции по экономическим и политическим причинам со стороны рабочих (Л. Серый, В. Иванов, И. Сивак, В. Павлов)", 2 декабря 1976 г.

Документ № 14. "Борьба Эмили Ильиной за право свободного выезда из СССР", 2 декабря 1976 г.

Документ № 16. "Заявление ... по поводу обысков, проведенных 4-5 января 1977 г. у членов Группы, допросов и других репрессий", 1 января 1977 г.

Документ № 17. "Об узниках совести, нуждающихся в срочном освобождении по состоянию здоровья", 14 января 1977 г.

"Общие замечания к документам №№ 11-14 о грубом нарушении права граждан на выезд из страны проживания".

Специальное сообщение о давлении на члена Группы М. Ланда с тем, чтобы Ланда вышла из состава Группы, с приложением заявления М. Ланда "Система заложников", 2 декабря 1976 г.

Обращение "Анатолию Марченко угрожает внесудебная расправа", 2 ноября 1976 г.

Заявление об обыске на квартире адвоката Каминской Д.И., 2 декабря 1976 г.

Подборка писем, полученных Группой содействия от советских граждан.

Литовская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Заявление "Об образовании Литовской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений", 25 ноября 1976 г.

Документ № 1. "О положении двух литовских католических епископов", 25 ноября 1976 г. (совместно с двумя членами Московской группы содействия).

Документ № 2. "Об утверждении Положения о религиозных объединениях" с приложением Указа Президиума Верховного Совета

Лит. ССР от 28 июля 1976 г., 25 ноября 1976 г.
Заявление об аресте Й. Матулениса и В. Лапениса в Вильнюсе 19 октября 1976 г.

Украинская группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Члены Московской группы содействия. "Об образовании Украинской общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений", 12 ноября 1976 г.

Григоренко П., Руденко М., члены Украинской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений. Заявление об образовании Группы и ее составе, 11 ноября 1976 г.

"Декларация" о целях Группы, 9 ноября 1976 г.

Меморандум № 1. "Влияние Европейского совещания на развитие правосознания на Украине", ноябрь-декабрь 1976 г.

Советская группа "Международной Амнистии". Группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР

Обращение к компартиям Франции, Италии, Великобритании и Испании об одновременном освобождении В. Буковского и Л. Корвалана, осень 1976 г.

Рабочая комиссия по расследованию злоупотреблений психиатрией в СССР*

Документ "Замечают следы преступлений", 14 марта 1977 г.

Опровержение на сообщение ТАСС от 22 февраля о задержании в психиатрической больнице на длительный срок Владимира Борисова ввиду ухудшения здоровья, 23 февраля 1977 г.

Отчет о работе (совместно с Группой содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР), 5 февраля 1977 г.

Документ "К психиатрическим ассоциациям и комитетам защиты Владимира Борисова", 6 марта 1977 г.

Обращение к мировой общественности по делу Ю. Белова, 15 февраля 1977 г.

Рабочая группа по культуре в СССР* *

Заявление об учреждении Группы.

* Состав Рабочей комиссии: Джемма Бабиц, Вячеслав Бахмин, Ирина Каплун, Феликс Серебров, Александр Подрабинек, Петр Григоренко, Софья Каллистратова.

** Состав Рабочей группы: Юрий Михайлов, Леонид Пинский, Борис Амарантов, Оскар Рабин, Иосиф Киблицкий.

Официальные документы

Приговор по делу Реймера Г. и Фурман Л., Алма-Ата, 28 сентября 1976 г.

Приговор по делу Строкатовой Н., Резникова А., Притыки А., Одесса, май 1972 г.

Повременные издания

"Хроника текущих событий", вып. 42, 8 октября 1976 г.

"Хроника текущих событий", вып. 43, 31 декабря 1976 г.

Архив "Хроники", вып. 2, 1977 г.

"Память". Исторический сборник, вып. 2, 1977 г.

Новые книги издательства "Хроника"

ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ, вып. 42, 1976 г. (вып. 43 — в печати). Цена — 4. 50

ВЛАДИМИРСКАЯ ТЮРЬМА. Сборник статей и документов, сост. В. Буковский, 1977 г. Цена — 4. 50

В. ЧАЛИДЗЕ. "Уголовная Россия". Очерки преступности в СССР, 1977 г. Цена — 12. 00

МИХАИЛ ЛУНИН. Сочинения, 1976 г. Цена — 10. 00

ИНИЦИАТИВНАЯ ГРУППА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР. Сборник документов, 1976 г. Цена — 3. 00

ДЕЛО АЙРИКЯНА, 1977 г. Цена — 2.00

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГРУППЫ СОДЕЙСТВИЯ ВЫПОЛНЕНИЮ ХЕЛЬСИНКСКИХ СОГЛАШЕНИЙ. Выпуск первый. (Выпуск в второй — в печати.) 1977 г. Цена — 5. 00

В. ТУРЧИН. "Инерция страха. Социализм и тоталитаризм", 1977 г. Цена — 10. 00

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Агранов	102	Бохенский	57	Гельфанд Ю.	55
Азбель М.	19, 55	Брандес Г.	116	Гендин Л.	55
Айрикян П.	44	Брандыс	57	Генкин С.	55
Аксельрод Э.	55	Браунек М.	63	Герек	57
Алексеева Л.	4,24, 32,55,83,118	Брежнев Л.	75,117, 118	Гинзбург А.	4,7-9,14, 22,40,47,83,117,119
Алиханов А.	74	Будулак-Шарьгин Н.	118	Гинзбургс Дж.	65-71
Алиханян А.	74		46	Глузман С.	5, 117
Альбрехт В.	12,116	Буковская Н.	119	Гоголь Н.В.	16
Альперт Я.	55	Буковский В.	6,24, 26,35-48,98,122	Гольдштейны И.иГ.	55
Амьльрик А.	24			Гомулка	59
Амарантов Б.	122	Василик В.	120	Горький А.М.	105,107, 110-113
Амбарцумян	75	Васильев	33	Грабанс И.	117
Анджеевский Е.	59	Васильева А.В.	104	Григоренко З.	55
Арцимович Л.	75	Великанова Т.	55, 118, 121	Григоренко П.	18,55, 117,119,122
Ахматова А.	16, 32	Венцлова А.	32	Грицьяк Е.	55
Бабич Д.	122	Венцлова Т.	31-34	Громыко А.	69
Багратион-Мухран- ская	111	Вильямс Н.	4	Гусев С.	10-14
Баева Т.	55	Винавер М.	108,110		
Балахонов В.	43	Винс Г.	5	Дандарон Б.	115
Бахмин В.	55, 122	Винс П.	55	Даниэль Ю.	7
Бейлин И.	55	Военный М.	116	Джексон Г.	30
Бейлина Д.	55	Волисская В.	55	Джемилев М.	5,44,116
Беллоу С.	57	Волков О.	4	Джилас М.	20
Белов Ю.	122	Вольпин А.	9	Джойс Дж.	32
Берлингуэр Э.	56	Воробьев О.	55	Дзержинский Ф.	106, 111
Бетелл Н.	115	Воронель А.	120	Добровольскис С.	33
Бирман В.	20	Гавел В.	54	Добрынин А.	25
Блок А.	16	Гайек И.	54	Дон Левин И.	115-116
Богатырев К.	11	Гамсахурдиа З.	116, 118	Дрейфус	14
Боголюбов Г.	116			Д'Эстен Ж.	119
Богораз Л.	55,116	Гамсун К.	116		
Богушис В.	33	Гандзюк В.	117	Желудков С.	55
Бойцова Л.	116	Ганецкий Я.	113	Жолковская И.	7-8, 117
Боннэр Е.	55	Гаруцкас К.	31,32		
Борисов Вл.	17,116, 118,122	Гастев Ю.	120	Завуров А.	117,118, 120
Борич Г.	114	Гегель	73		
Боровский В.	120	Гель И.	44		

Закс Ю.	55	Лернер А.	19,55,117,	Ольбрыхский Д.	63
Залмансон С.	26		119	Орлов Ю.	4,14,22,23,
Зея Я.	60	Липавский А.	19		31,32,40,47,72-75,
Зосимов	43	Липинский А.	112		83,117,118,120
Иванов В.	37-38,121	Липиньский Э.	57,60	Осацкий М.	44
Игрунов В.	4	Литвинов П.	9	Осипов В.	118
Ильин	120	Луи В.	12	Осипова Т.	55
Ильина Э.	121	Лукаускайте-Пошкене			
Ионеско Э.	57	О. 31-33		Павлов В.	36,121
Исакова В.	55	Лупинос А.	44	Пайдак А.	60
		Любарский К.	4,55	Пайлодзе В.	118
Йокубинас	33	Маевский М.	61	Панов В.	16
		Май А.	55	Пастернак Б.	32
Каллистратова С.	55,	Майер Я.	117	Паточка Я.	54
	122	Макаренко М.	5	Пешков М.	113
Каминская Д.	121	Максимов В.	114	Пешкова Е.	101-113
Кампов П.	117	Мальро	57	Пильняк Б.	105
Кандель Ф.	55	Мандельштам Н.	113	Пинский Л.	122
Каплун И.	17,55,118,	Мандельштам О.	32	Плумпа П.	119
	122	Манн Т.	116	Плющ Л.	24
Караванский С.	44,117	Марков О.	101-113	Подгорный Н.	118
Кардасевич Л.	55	Марченко А.	43,115,	Подрабинец А.	122
Картер Дж.	5-6,12,13,		116,121	Полищук А.	55
	25-28, 118	Марченко В.	117	Притыка А.	123
Квачевский Л.	24	Матуленис И.	33,122	Пронюк Е.	5
Киблицкий И.	122	Машкова В.	55,117,	Прытков	18
Киевский	57		119	Пухляков	33
Киселевский	57	Мейман Н.	24,55	Пэнсон Б.	115
Киссинджер Г.	26,29	Мельчук И.	15-16	Пятигорский А.	115
Ковалев С.	4,5,28,32,	Менделевич И.	119	Пяткус В.	31,32
	33,46,116,119	Менжинский	106-107	Рабин О.	119,122
Ковтуненко М.	118	Метерлинк М.	116	Рассел Б.	116
Конквест Р.	113	Миколайска	57	Регельсон Л.	55
Корвалан Л.	26,122	Миндсенти,кардинал		Резников А.	123
Корнилов В.	55		114	Реймер Г.	123
Косьгин А.	79	Мини Дж.	35,37	Родионов В.	55
Коц Н.	120	Михайлов М.	14	Роллан Р.	116
Краснов-Левитин А.	9	Михайлов Ю.	122	Романок В.	5
Кудирка С.	26	Мнوخ Ю.	24,55	Рубан П.	5,14,118
Кузнецов Э.	15	Модзелевский К.	56,	Рубцов В.	118
Куронь Я.	56,60,64		60	Руденко М.	4,14,22,
Кястутис	33	Мондейл	6		40,47,76,118,122
		Моргиевич Э.	60,115	Руденко Р.	118
Лавут А.	55	Мороз В.	5,44,115	Румянцев В.	55
Ланда М.	55,117,	Морозов М.	55	Рыбаков Ю.	4
	118,119,121				
Лапенис В.	33,122	Наприенко В.	117	Садунайте Н.	33,46
Ласота-Заблудовски		Нарица М.	120	Салова Г.	55
	И. 56-64	Нарица П.	120	Сандомирская О.	104
Левин И.	55	Новаковский	57	Сартр Ж.-П.	57
Левин С.	55	Нудель И.	43,55		

Сахаров А.	5,8-9, 10-14,22,25,28,30,37, 38,55,75,87,114,115, 116,118,119	Стрыйковский	57	Чалидзе В.	9,11-12, 19,24,26-30,82-100
Сваринскас А.	33	Стус В.	119	Чапек К.	116
Сверстюк Е.	119	Суперфин Г.	15-16,46	Чекалин А.	45
Светличная Н.	118,119	Сурков А.	76	Чернобыльский Б.	55
Светличный И.	5,117	Сусленский Я.	45	Черновил В.	44,46,115
Сеитмуратова А.	118	Танаки	67	Чуковская Л.	116
Семенова	5	Тарле Е.В.	104	Шабатура С.	117
Семенова Т.	13,55	Тарусевич М.	115	Шафаревич И.	8-9,119
Серая В.	55	Твердохлебов А.	28	Шер А.Б.	104
Сергиенко А.	5	Терц А. см. Сиявяский		Штерн М.	5
Серебров Ф.	122	Тихий А.4,14,22,40,47		Шумук Д.	44
Серый Л.	37,55,118, 121	Томонис М.	33	Шухевич Ю.	44
Сивак И.	38,121	Турчин В.	22,55,119	Щаранский А.	4, 55, 119
Сиявяский (Терц) А.	7,114,115	Улановский Л.	55	Эйнштейн А.	116
Сладкявичюс В.	32	Файзуллаев В.	119	Элиот Т.С.	32
Слепак В.	19,55,119	Фактор А.	118	Энгельс Ф.	73
Смиртюков М.	79	Фактор Л.	118	Эрвин	12
Смрковский Й.	115	Федоренко В.	5,43	Эскин	74
Солдатов С.	118	Федоров Ю.	5	Эткинд Е.	115
Солженицын А.	7-9, 37,75,114	Федотов Г.	118	Яблочкина А.	105
Сталин И.	11	Фигнер В.	105	Ягода	107
Старчик П.	18, 118, 119,121	Филимонов В.	119	Якир Е.	55
Стейнсбергова А.	60	Финкельштейн Э.	32	Якир И.	55
Степонавичюс Ю.	32	Форд Дж.	26	Якир Р.	55
Строкатова Н.	55,117, 119,123	Фурман Л.	120,123	Янкелевич Е.	14,55, 116
		Хайло В.	118		
		Ходорович Т.	118, 119, 121		
		Хрущев Н.	75		

\$ 5. 00